

18+

Борис Дмитриев

Позвони мне

Борис Дмитриев

Позвони мне

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Дмитриев Б. М.

Позвони мне / Б. М. Дмитриев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Всем, кого не оставляет равнодушным судьба нашего бывшего большого Отечества, адресуется этот роман. Книга написана в лучших традициях комедийного, фантасмагорического жанра, когда реальные исторические события причудливым образом переплетаются с вымыслами гротескного и мистического содержания. В легкой, сатирической форме автор предлагает читателю взглянуть на историю нашего Отечества в необычном ракурсе и быть может открыть для себя нечто до селе неведомое.

© Дмитриев Б. М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Борис Дмитриев

Позвони мне

Глава первая

По вечерам на озере торжествуют жабы. В тот самый час, когда беспокойное население озера, начиная от полутораметровых щук и заканчивая ватагами тритонов и головастиков, умаявшись от дневных забот, отходит на ночной покой. Когда глубинные обитатели сумеречных вод ещё только разминают замлевшее в неподвижности тело и готовятся к ночным смертельным схваткам. Когда наступает пора передачи дозора между дневными и ночными хранителями жизнестойкости огромного водоёма и всем становится не до жаб, распоясавшееся зелёное отродье запускает омерзительный свой переквак. Должно быть, при сотворении мира Создатель предусмотрел какой-то особенный, тайный смысл для наступления смутной поры вечернего межвременья. Не исключено, Ему мечталось, чтобы любое живое начало, являясь по преимуществу творением Божиим, имело способность раздуть непомерные щёки и напомнить окружающим о своём замечательном жабьем существовании.

Озеро большое и древнее, вне всякого сомнения ещё поившее своими целебными водами безвременно покинувших нас динозавров и птеродактилей. Если на вечерней заре внимательно всмотреться в прибрежные воды, иногда при удаче можно уловить трепетно просматривающиеся отражения этих экзотических чудовищ, лукаво затаившихся в вечности и, похоже, пристально наблюдающих нас. В глубоком прозрачном безмолвии тревожным, беспокойным бывает их вопрошающий взор.

И озеро, и местность кругом с незапамятных времен называют Разливом. Удивительное дело, водоём никогда не разливался, старожилы не помнят, чтобы, даже в самые полые вёсны, студёная водица хоть однажды выплёскивалась из берегов. Иные незадачливые краеведы наивно полагают, что такое мудрёное название связано с жабьим перекваком, победно разливающимся над вечерними водами в пору глухого межвременья, в пору триумфа жаб.

Настроение у Василия Ивановича, скажем прямо, было паршивое, потому что жизнь в дивизии не заладилась с самого утра. Неурядицы начались с того, что вороньё очередной раз пустилось в паскудство и обгадило оставленную на центральном командирском пенёке секретную карту боевых действий. Сворачивать на ночь штабную карту, что бы кто ни говорил, не представлялось никакой приемлемой возможности. Легкомысленно, да и просто рискованно, было нарушать удачно найденную расстановку сваренных в мундире картошек, определявших на стратегическом пространстве диспозицию предстоящих генеральных сражений. Картошки расположились в предполагаемых боевых порядках настолько завидно, что капелевцам до полного уничтожения, с потерей полкового знамени, оставалось не больше трёх, от силы четырёх-пяти, победоносных для рабоче-крестьянской армии дней.

Между прочим, шкодливое вороньё жирно приложилось цветными пастозными плямами в аккурат по расположению четвёртой ударной сотни. Любому фронтовику, и даже штатскому недотёпе, должно быть понятно, что здесь промышляло ночное знамение, способное всерьёз озадачить вовсе не склонного к мистике человека, хотя бы и прошедшего сквозь горнило германской войны рыцаря мировой революции.

Совсем недавно, при обороне Царицына, командование поплатилось внушительными потерями, не отреагировав должным образом на подобную знаменательную ситуацию. Тогда стая залётных грачей от души поухаживала за штабной стратегической картой, оставленной на дворе без присмотра, и, как показали дальнейшие боевые действия, фактически вывела из строя тяжёлую артиллерию. Чапай настойчиво предлагал руководству передислоцировать

дальнобойные пушки на защищённые лихой кавалерией позиции, но очумевшие от безбожия политруки отговорили Михаила Фрунзе поддаваться суеверным настроениям. В результате громыхающая царица полей оказалась подчистую выбрита неприятельским смертоносным огнём, так и не вступив в развернувшееся фронтовое сражение.

Всякий регулярно подвергающийся смертельным опасностям человек хорошо знает истинную цену вещим знаменам и ночным прорицаниям. Чаще всего они бывают надёжней, вернее любых разведывательных данных и сообщений лазутчиков. Войсковые предания за долгие годы накопили в своём арсенале целый катехизис бесценных заповедей и предостережений. Не бабьего, понятное дело, примитивного коленкора, связанного с чёрными котами и порожними вёдрами, но глубоко мистического прочтения. Например, по кавалерийским преданиям, приснившиеся в постели конские каштаны сулили казаку без всяких проволочек «География» или, на худой конец, десятидневную побывку с серебряной медалью «За храбрость». К медали, как водится, прилагалось дополнительное денежное пособие плюс счастливая возможность ублажить томящуюся в ожидании семью загодя припасёнными трофеями.

С превеликим сожалением необходимо признать, что такое случилось большей частью при царском режиме, конечно. По нынешним, революционным, временам подобный вещий сон мог спокойно натурализоваться в самом что ни на есть досадном разрешении. То есть очнулся среди ночи боец, потревоженный сонным знаменем, – и тотчас обнаружил под подушкой свежий лошадиный сюрприз. Чего ожидать от прицельной вороньей картечи по секретной штабной карте, легендарный комдив не знал и с самого утра терзался недобрыми сомнениями относительно расположения четвёртой сотни. То ли подразделение следовало без всяких проволочек и боевых операций отправить в резерв, то ли немедленно, скрытым манёвром через глубокие тылы, сменить диспозицию. В любом случае, оставлять ударную боевую единицу под жирными вороньими плямами было равносильно разгрому, а то и вовсе унижительной сдаче в плен чуть ли ни целого штаба дивизии.

Летнее утро, росное и зябкое, омолодило свежестью Разлив. Был тот непорочный, безмятежного пробуждения час, когда каждый умытый живительной влагой листок смотрит на мир вытарашенными глазами, дивится бездонному небу и не желает задуматься, что будет впереди ещё долгий жаркий день, и осень зрелая обязательно будет, и закружит пожухлый листок прощальным хороводом в бесконечную, невозвратную даль.

Вот такой же с виду беспечный, как омытый росой зелёный листок, возится у командирского шалаша с походным медным самоваром красноармеец Кашкет. Весело Кашкету служить денщиком и набивать по утрам сухими еловыми шишками порожнюю самоварную топку. Почётно и, главное дело, чертовски завидно – и не только желторотым новобранцам – жить в одном шалаше с легендарным, недоступным для многих Чапаем. Быть рядом с комдивом в это суровое, судьбоносное время, когда за Уралом непрерывно строчат пулемёты, разворачиваются на полях отнюдь не шутейные, не ведающие пощады бои. Ещё забавно наблюдать, как на взмыленных скакунах залетают в Разлив эскадронные комиссары, ошалевшие нарочные и прочая военная мотота. С трудом переводя запаленный дух, после выпитой кружки родниковой водицы, они захлёб рассказывают о личной боевой храбрости, о досадных потерях товарищей, требуют немедленной помощи и новых дополнительных распоряжений. Нередко залетают и без всякой надобности, только чтобы продемонстрировать командиру свою революционную спесь и готовность отчаянно ринуться хоть в огнестрельный кошмар, хоть в рукопашную кровавую сечу.

Василий Иванович, в решительно заломленной на затылок каракулевой папахе и с полевым биноклем, надетым поверх походной бурки, что само по себе было знаком воинственного расположения, выдвинулся из шалаша. У самых дверей лесного жилища он ненароком споткнулся о внезапно возникшую при его генеральских сапогах собачонку и нечаянно придавил ей хвоста. Собачонка в ответ шуганулась и пронзительно взвизгнула, в связи с чем легендар-

ный комдив лёгкой рысцей протрусил по нижним ярусам великого и могучего, отнюдь не тургеневского пошиба, многострадального русского слова.

Покончив с зоологическим инцидентом и прокашлявшись для корректировки командирского голоса, Чапай громко окликнул денщика и сделал необходимые распоряжения по поводу заварки утреннего чая. Нельзя сказать, что денщик плохо справлялся с этой задачей самостоятельно. Напротив, он знал толк в настоях разнотравья, однако надо же было комдиву отыгрывать на ком-то раздражённое от несвежего сна настроение. Большею частью именно в связи с этим он выразил крайнее неудовольствие относительно слабого глянца хромовых трофейных сапог и потребовал привести в надлежащий порядок штабную секретную карту, которую в следующий раз необходимо на ночь тщательно укрывать еловыми ветками.

На что Кашкет обыкновенным образом возмутился в сердцах – «лучше бы вороньё башку тебе разукрасило», – но кинулся, тем не менее, с показной готовностью выполнять поставленную боевую задачу.

В заключение Василий Иванович придирчиво осмотрел всё нехитрое хозяйство Разлива, не забыв одарить нежным взглядом дремавших у коновязи добротных штабных лошадей. Не обнаружив очевидных причин для собственного недовольства, он с присущей наезднику ломкой походкой отправился по набитой тропе к древнему озеру, чтобы совершить известный набор освежительных для утренней поры процедур.

Оказавшись на сыром песчаном берегу, безупречный рубака крутым жестом правого плеча откинул каракулевую походную бурку, выпростал из дорогих командирских галифе своё бесценное продолжение и смачно возвратил прохладным водам Разлива полсамовара непотребной для задач революции жидкости. Получив глубокое удовлетворение от тесного контакта с природой, Чапай привычно оправил обмундирование, подтянул портупеи, для чего-то потрогал себя за прокуренные усы и присел на заветный прибрежный топляк.

Хотите – верьте, хотите – нет, но месяц тому, сидя на этой самой ольховой коряге, комдив пережил потрясение, которое бесцеремонно исказило всю его дальнейшую жизнь. У людей ведь случаются порой непрописанные злодейкой судьбой обстоятельства, которые заставляют пускать под откос всю ранее прожитую жизнь и делать головокружительные перетасовки на будущее. А произошло, между прочим, вот что.

Однажды, сидя на этом, как теперь оказалось мистическом, месте, в минуту уединённого обдумывания предстоящих генеральных сражений, в глубоком кармане защитного цвета габардиновых галифе заиграл «Интернационал». Проще говоря, зазвонил мобильный телефон, днями подаренный командармом Фрунзе на последнем общевойсковом совещании. Василий Иванович обычным манером извлёк из армейских штанов пробудившийся телефон, взглянул на светящийся монитор и тут же потерялся в догадках. Мобильник выдавал абсолютно незнакомый девятизначный номер, вызывающим образом составленный из одних только четвёрок. Вот эта особенность больше всего смутила, всерьёз насторожила, выдавшего всякие позы Чапая. Будучи человеком многоопытным, он прекрасно понимал, что при таком подозрительном начале ничего хорошего ждать не приходится, поэтому с недовольной физиономией огляделся по сторонам.

В эту же самую минуту к берегу, отгребая когтистыми задними лапами, медленно причалила здоровенная зелёная жаба, нагло вылупилась и квакнула полной силой отвисшей глотки. Василий Иванович, разумеется, не отказал себе в удовольствии хотя бы мысленно взять на прицел водоплавающую рептилию, но очень отвлекал отдающий белогвардейщиной непонятный звонок. Похоже, именно из-за распластавшейся у песчаного берега презренной жабы комдив всё-таки вышел на связь и приставил к уху мобильный свой телефон.

И вот, извольте знать, услышал невероятное. В телефонной трубке кто-то повелительным голосом бескомпромиссно представился:

– На всякий случай предупреждаю, сильно не тревожьтесь, но с вами разговаривает Отче ваш. Да, да, не следует удивляться, представьте себе, собственной персоной.

Возникшее, по причине дичайшего вероломства, молчание начало заполнять отдалённое церковное пение, и даже запахом кадильного ладана тонко потянуло из мобильной трубки. Звонивший между тем, выдержав для фасона драматическое паузу, как ни в чём не бывало продолжил:

– Тот самый Отче ваш, которого вы частенько вспоминаете всуе, иногда даже за компанию с безобидными родственниками. Не забываете, кстати, и про Мою бесценную матушку.

Довериться сумасбродному заявлению самозванца, даже с жестокого бодуна, даже при самой воспалённой фантазии, сами понимаете, было непросто. Однако и отмахнуться от наглого абонента парой традиционных адресных напутствий обыкновенно находчивый Василий Иванович в этой критической ситуации почему-то не решился, не обнаружил в себе достаточного душевного подъёма.

На первых порах Чапая посетило легковесное подозрение, что это Петька дуркует с похмелья или, что вернее всего, разыгрывает командира на спор с пулемётчицей Анкой. Не так давно ординарец позвонил голосом Фурманова и торжественно пригласил командира на партийную конференцию, для вручения герою революции наградной сабли с темляком золотого плетения. Вряд ли можно отыскать в военном сословии завязтого кавалериста, который бы не мечтал о таком почётном именном оружии. Комдив от радости потерял бдительность и повёлся на эту почти белогвардейскую засаду. Полдня полоскался с мыльной мочалкой в студёном озере, чистил пятки, нафабривал усы и, только прискакав на тачанке при полном параде в политотдел, поздно сообразил, что однополчанин сыграл над ним обидную шутку.

Между тем Чапая посетила и заслуживающая серьёзного рассмотрения мысль: «Может, это вездесущая контрразведка из армейского штаба ловчие петли набрасывает, проверяет на устойчивость к атеизму, что, вообще говоря, не так уж и весело?»

В последнее время немало лихих командиров поплатилось чинами за свои недостаточно рьяные богоборческие устремления. Не хотелось верить, что и он подцепился на крючок недремлющим операм, в связи с недавней шумной гульбой на крестинах трёхмесячного карапуза-племянника. Однако голос самозваного устроителя мироздания звучал на удивление веско. Поэтому матёрый рубака, проявляя военную предусмотрительность, ответил весьма неопределенно – с напускной беспечностью и некоторой долей сарказма:

– Ну и что из этого? Если Вы всамделишный Бог, тогда незачем скромничать, называйте меня просто – апостолом Павлом или хотя бы евангелистом Лукой.

Чапай хотел было добавить к этому логически правомерному реверансу ещё что-нибудь из убойного арсенала виртуозного кавалерийского сленга, но не рискнул, на всякий случай попрердержал загребаящих копытами землю коней.

– В принципе, ничего не имею против того, чтобы легендарный герой революции сделался ещё и знаменитым апостолом, – как показалось комдиву, без всякой иронии в голосе согласился звонивший. – Но для этого необходимо предпринять некоторые усилия и, прежде всего, переосмыслить своё отношение к собственной жизни. В связи с этим хотел бы напомнить, что занятие, к которому ты в последнее время так ловко пристрастился, не очень Мною приветствуется. Ты же не глупый мужик и не хуже Меня понимаешь, что не бывает на свете греха отвратительней, нежели истребление душ человеческих. Собственно говоря, Я потому и звоню, об этом и печалюсь, друг Мой, или как там у вас, дорогой товарищ Василий.

Пришедший в некоторое замешательство, не ведавший страха под вражеской пулей, комдив принялся нервически сдирать с ольховой коряги отслоившуюся кору, чтобы прицельно уважить дрейфующую у берега зелёную жабу. Не было ни малейших сомнений, что непрошенная рептилия каким-то образом причастна к этому дурацкому звонку. Только со второго заряда Василий Иванович результативно поразил вражескую мишень в левую заднюю лапу. Подбитая

мерзость ещё наглее округлила глаза, громко квакнула, что-то явно обидное, прозвучавшее наподобие слова «дурак», и отчалила, словно молодая курсистка, брассом по мелкой водичке.

Однако представившийся Всевышним телефонный штукатьер развернул целую агитационную кампанию. Он принялся подбрасывать красному командиру до боли знакомые ребусы относительно смысла жизни, даже пустился разглагольствовать о высоком предназначении человека в этом прекрасном до ярости мире.

Откровенно признаться, вся эта заумная тряхомудия была комдиву глубоко пополам. Даже когда говоривший начинал страдать смертными муками и для контраста завлекать прелестями райской жизни, Чапаев оставался безучастен. Он ради приличия продолжал слушать валившуюся на его трижды раненую голову ахинею, а сам медленно погружался в тревожные догадки: «То ли я уже допился и дождался самой настоящей похмельной белочки, то ли мир кувыркнулся кверху пятками, то ли Бог на самом деле существует и тогда дела мои совсем плохи, поскольку отношения с библейскими заповедями, говоря по совести, не шибко складывались».

По ходу беседы комдив несколько раз пытался незаметно щипать себя за филейные прелести, дабы удостовериться в подлинности невероятного приключения. Но ушлый собеседник сразу же подымал на смех эти невинные хитрости, даже ехидно предлагал сбегать в шалаш за плоскогубцами. Чем определённо доказывал, что видит всё, как в японском телевизоре, и скрываться от него так же бессмысленно, как новобранцу таиться в самоволке от всевидящего ока товарища Фурманова.

Теперь невозможно в полном объёме восстановить, как долго длилась эта перпендикулярная здравому рассудку беседа. Создатель несколько раз отвлекался по собственным нуждам и, подчеркнуто вежливо приносив извинения, продолжал несусветный свой трёп. В заключение Он предложил, что называется, поддерживать связь и, в случае необходимости, без всяких церемоний обращаться в любую минуту за помощью.

Василий Иванович, в соответствии с правилами хорошего тона, выразил встречную готовность наладить дружеские отношения, а вот касательно непрошеной помощи с гордостью сообщил, что привык рассчитывать на собственные силы. Очень подмывало для куражу изъявить желание самому приходить на помощь, но вовремя спохватился, уловил некоторый перебор.

Звонки стали повторяться с завидной регулярностью и сделались бесплатным приложением к суровым чапаевским будням. Справедливости ради следует заметить, что в приятельских отношениях Всевышний не был излишне предусмотрителен или деликатен, потому как повадился объявляться в режиме бесконечных сюрпризов, очень густо в самые неподходящие моменты. Положим, во время исполнения безотлагательных служебных обязанностей, связанных чаще всего с военной секретностью, или даже в минуты отправления сугубо интимных мероприятий, включая и деликатно сердечные. Так однажды беспардонный «Интернационал» возник поперёк пути к пылающему страстью, вожденному женскому телу, практически у самого порога. Комдиву стоило немалых усилий, чтобы сдержать свой гнев и не отправить абонента на тёплую встречу с драгоценной мамашенькой.

Постепенно выяснилось, что наверху, в небесной канцелярии, орудуют на зависть прырливые ребята, которые полностью осведомлены фактически о каждом дне прожитой Василием Ивановичем жизни. Более того, там могут безошибочно определять только ещё зарождающиеся намерения и глубоко потаённые желания. Знают о поступках, память о которых и для него самого представлялась запретной. Ещё оказалось, что на небесах никто не собирается менять что-либо в его собственной жизни, никто не настроен нарушать начертанный порядок грядущих событий и дней.

Беседы носили чаще всего непринуждённый, если не сказать более сильно, дружественный и даже доверительный характер. Создателю ничего не стоило с бухты-барухты поинте-

ресоваться первой женщиной, открывшей прелести любви для набирающего тело уральского казака. При этом – быть может, случайно, а может, и нарочито – Он умудрился назвать его Адамом. Мог обратиться к детским воспоминаниям маленького Васи, но однажды, не поверите, позвонил среди ночи в очень грустном настроении и предложил исполнить дуэтом самую заветную песню комдива – «Чёрный ворон».

Однако ничто не укротило боевого духа легендарного рубаки, он продолжал воевать так же азартно и самозабвенно, как в лучшие годы своей безвозвратной молодости, не роняя чести полного Георгиевского кавалера. Лишь однажды, объезжая верхом поля боевых сражений, при виде поверженных всадников неожиданная тоска подступила, стиснула когтями пульсирующее сердце, и тогда более всего захотелось пасть на колени и высвободить истошным воплем угнетённую душу: «Господи, прости меня грешного!»

Итак, управившись с утренними освежительными процедурами и привычно примостившись на заветной ольховой коряге, Василий Иванович с наслаждением вдохнул полной грудью бодрящий воздух, поёжился на утреннем холодке и, как человек до самых печёнок военный, с оценивающим вниманием осмотрелся кругом. Сначала придирчиво осмотрелся невооружённым глазом, но затем приставил под брови командирский бинокль.

За озером, над кромкой дальнего леса, медленно всплывала багровая макушка ещё холодного солнца, отчего вся водная поверхность на озере заиграла коралловой рябью. Природа дружно озарилась таинственным преображением, словно в годовщину исполнения торжественного тронного гимна, возвещающего приход нового дня. Сколько их было в беспокойной жизни Чапая, этих роскошных утренних зорь, к которым никогда невозможно привыкнуть! Может, и потому, что они щедро даруют нам молодящиеся силы и призывно манят, увлекают миражами грядущего.

На ранней свежести мысли струились необычайно легко и прозрачно, как после вовремя выпитой чарочки или после обретения новых боевых наград. Поэтому Чапай в очередной раз принялся взвешивать все за и против применительно к предстоящему генеральному сражению. От этой решающей схватки зависела судьба всей фронтовой кампании. Не случайно комдив до поздних петухов шаманил вареными картошками на штабной стратегической карте, выявляя наиболее уязвимые места в боевых порядках противника. И сколько он ни ловчил, как ни комбинировал, неизменно обнаруживалось, что силёнок у дивизии маловато. Незаметно для себя самого он начал активно жестиковать и даже рассуждать вслух:

– Мне бы пулемётов по флангам с десятков, свежих коней да патронов побольше, с патронами просто беда. Если верховное командование не подсобит, вся надежда на саблю – в рукопашном бою всегда наши шашки бойчей. Будет трудно – ногу в стремя и сам поведу, мне не впервой, на германских фронтах и не такое случалось. Ну да Бог с ним, Бог с ним, как-то управимся.

Неожиданно в глубоком кармане габардиновых галифе призывно заиграл могучий «Интернационал». Чапай по музыкальной заставке безошибочно определил, что это опять не ко времени беспокоит Создатель.

«Вот не спится Ему в такую нежнейшую рань, – про себя усмехнулся комдив, – видно не к кому душеньку под одеялом на заре приложить. Сейчас опять примется или морали читать, или расспросами дурацкими заниматься. Не даст перед боем мозгами спокойно раскинуть, но и не ответить никак не получится».

Между тем Василий Иванович непроизвольно соскочил с ольховой коряги, выпрямился в полный рост, поправил бинокль, одёрнул обмундирование и по-военному чётко, как перед рвущейся в атаку кавалерийской лавой, отрекомендовался:

– У аппарата, Отче наш, весь во внимании!

– Слышу, что у аппарата, – недовольным голосом пробурчал Создатель. – Ты зачем пустозвонишь Василий, для чего без нужды языком своим треплешься? С кем это Бог и какое Он

имеет отношение к безумным твоим устремлениям затеять назавтра кровавую бойню? – Без всяких предисловий, как из станкового пулемета, посыпались обвинения из мобильной трубки.

Положа руку на сердце, комдив тотчас смекнул, что на сей раз действительно лопухнулся, шлёпнул пару раз без всякой надобности безрассудное «Бог с ним». Не стоило, конечно, приплетать к завтрашнему сражению имя Создателя. Хотя вырвалось это, как водится, машинально, без злого расчёта и лукавого умысла. Тем не менее упрек был действительно справедлив и требовал уважительных, соответствующих высокому рангу объяснений.

– Я, Отче наш, еще на уроках закона Божьего твёрдо усвоил, что не следует взывать к Вашему имени всуе, – начал с дальних позиций мягко стелить непреклонный Чапай. – Мне в данном случае нет повода строить капризы, поэтому с готовностью приношу свои извинения. Но ведь и Вы должны иметь снисхождение, делать хоть какие-то скидки. У нас на передовой вражеские пули, что метлой бойцов из рядов вычищают, обстановка предельно критическая, выполнять приходится много чего и всё больше без оглядки на Ваши заветы и правила. Если совсем начистоту, то меня последнее время регулярно беспокоит тревожная мысль. Сердце вещает, что кто-то сливает в небесную канцелярию ложную информацию о нашей дивизии. Никого не хочу обидеть, но вынужден заявить: Ваша разведка местами сильно не дорабатывает.

– Ты, Василий, дурака не валяй и зубы мне не заговаривай. По поводу того, чья разведка местами не дорабатывает, разговора у нас не получится, поскольку речь идёт совсем о другом. Объясни для порядка: почему вы ничего не подозревающего Бога постоянно норовите куда-то взять да и пристроить? Что это за глупое выражение такое «Бог с ним»? С кем это с ним, с ящиком патронов, что ли? Обрати внимание, ты регулярно говоришь по одному и тому же поводу несовместимые вещи. Один раз говоришь по собственной прихоти «Бог с ним», другой раз беспечно заявляешь «чёрт с ним». Признаться, Меня такая путаница весьма настораживает. Складывается впечатление, что ты не находишь между нами никакой существенной разницы, того и гляди рога Мне пристроишь. От Меня не убудет, но ты постепенно теряешь способность различать хорошие и плохие дела, а это, уверяю, грозит немалыми бедами.

Удивительное совпадение – пока Василий Иванович рассеянно внимал очередным капризам Создателя, к берегу украдкой причалила здоровенная зелёная рептилия, именуемая по обыкновению «жаба». На первый взгляд может показаться, что в этом нет ничего особенного, но это если не брать во внимание левую заднюю лапу мерзотины, кем-то тщательно перемотанную тончайшей зелёной же водорослью. Перемотанную по всем правилам лекарской выучки, с ровненькой шиной под плотным жгутом.

– Учти, – продолжил Всевышний, – отсюда сверху видно всё практически как на ладони или, как ты удачно заметил, всё одно как по японскому телевизору. Я даже вижу, что сейчас рядом с тобой, у самого берега, мирно дрейфует безобидная озёрная жаба. Не уппусти хорошей возможности проявить для покоя души милосердие, извинись перед трепетной толпой жизни огромного мироздания. Плохо ведь не то, что ты ни в чём не повинную жабу обидел, плохо, что ты ранил себя и когда-нибудь крепко пожалеешь об этом.

Василий Иванович медленно повёл не ведающим промаха глазом и в самом деле обнаружил, практически на расстоянии вытянутого сапога, вытаращившую бесстыжие фары отвратительно зелёную жабу. У него даже под ложечкой засосало, так сделалось не по себе. А когда разглядел обработанную как в медсанбате когтистую заднюю лапу, ощутил небольшое головокружение. Благо дело зверюга вовремя включила заднюю и попятилась восвояси.

Создатель между тем, оседлав избитую, вдоль и поперёк заезженную тему, принялся журить легендарного Чапая по поводу грядущих смертоносных баталий:

– Вот ты опять, одержимый безумством вояка, почти всю ночь, вместо того чтобы спокойно предаваться целебному сну, корячился над секретной картой боевых действий. До сих пор мучительно ломаешь голову, как бы назавтра побольше шашкой или пулей бойцов укокошить. Заметь, что многих из обречённых твоим безрассудством людей ты даже краешком

глаза не видел, нюхом не чуял, от века не знал. Наверняка между ними есть неплохие ребята, любящие отцы и мужья. Неужели тебе нечем больше в этом мире заняться, как только детишек чужих сиротить? Никогда не пытался отворить для любви свою душу, осмотреться кругом и познать, сколько мудрости, сколько щедрости и милосердия окружает тебя? Уж коль так велика порочная страсть к азартной охоте, взял бы удочки, что ли, рыбалку затеял или бабочек в коллекцию для красоты наловил. У Меня и Самого, между прочим, невероятных расцветок коллекция для любования собрана. Будешь в гостях, обязательно покажу, завидовать станешь.

Василий Иванович рефлексивно, даже не пытаясь скрывать раздражение, немедленно отреагировал :

– Какие гости, Вы на что это намекаете? Я из дивизии, пока не закончится война, и шагу не сделаю. Вы там, в царстве небесном, со своими делами управляйтесь отдельно, а мне с беляками да всякими мироедами из кулачной прослойки и здесь скучать не приходится. Не сердчайте, но не до гостей мне сейчас.

Про себя между тем не без страха подумал: «Ни хера себе разноцветные крылышки, совсем обнаглел старикан, уже и на небеса к Себе незаметно подтягивать принимается. Если с такими подачами и дальше покатит эта дурацкая дружба, придётся защиту особую выстраивать. Хотя какая к чертям здесь защита, ведь видит, знает всё, живёшь при Нём как дворняжка на привязи».

Солнце поднялось и разыгралось настолько, что начало чувствительно прогревать походную бурку. Тепло его проникло до самого тела и взопрело мускулистую спину Чапая. В связи с чем он учтиво предложил организовать хотя бы минутный тайм-аут. Получив согласие небожителя и душевно взбодрившись, комдив по-кавалерийски, в один прыжок, соскочил с ольховой коряги. Освободившись от каракулевой накидки, налегке, бряцая притороченной шашкой, Георгиевский кавалер сосредоточенно прошёлся по песчаному берегу. А две пёстрые бабочки, увлечённо облетая друг друга, увязались за ним.

«Разговаривает со мной как с пацаном, надо давно уже пересмотреть эти унижительные, к тому же вовсе небезопасные для меня, отношения, – начал активно соображать про себя комдив. – Сейчас заберусь на эту чёртову корягу и по полной, невзирая на важность персоны, предъявлю всё наболевшее. Должен же и Он хоть однажды войти в моё положение. И вообще, давненько пора самому начинать задавать вопросы. С какого перепуга, например, возвели на людей какие-то грехи первородные и сделали всех непонятно перед кем виноватыми? Интересная канитель получается – кто-то миллион лет назад неизвестно чем занимался, а нам теперь отдуваться приходится. Если кто и повинен за грехи Адама и Евы, так именно тот, кто неудачно слепил эту любовную парочку».

Как полагается образцовому военному человеку, Василий Иванович без промедления занял на ольховой коряге боевую позицию и, приставив к правому уху мобильный свой телефон, предпринял в некотором роде штурмовую атаку:

– Вы, пожалуйста, не сердчайте, Отче наш, но иногда складывается впечатление, что Вы в упор не желаете нас понимать. Я ведь подробно и чистосердечно рассказывал, что у нас революция, что на просторах дивизии бушуют ветры исторических перемен. Нашим бойцам выпала беспримерная участь осуществить заветную мечту человечества – установить полную и окончательную справедливость во всём мире, для всех народов. Вы только вникните в благородный смысл наших триумфальных песен:

Весь мир насилья мы разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Штурмовая атака комдива хотя и оказалась на поверку довольно компактной, но отзвучала вполне убедительно, ничуть не слабее вступительной речи товарища Фурманова на общевойсковой партийной конференции. Сказать ещё хотелось и можно было много чего, но уж больно смущали и сдерживали масштабы весовых категорий. Бог, Он, как говорится, и в Африке Бог. Перед такой монументальной фигурой невольно пасуешь. И с какой стороны ни подкатывай, долго трепаться даже у полного Георгиевского кавалера никак не получится.

– Насчёт ветров исторических перемен возражать не стану, с этим делом у вас всё в порядке, – согласился Создатель. – Но вот мечта о полной и окончательной справедливости в вашем подлунном мире вызывает много тревожных вопросов. По крайней мере до той поры, пока не одержана победа над проказником дьяволом. Говорю об этом абсолютно серьезно. Можно, конечно, не обращать на прохвоста никакого внимания или делать вид, что его вовсе не существует на свете, но от этого никому не становится легче. Нам самим бывает порой невдомёк, почему рождённые в образе и подобию Божиим люди по собственной воле пребывают на службе у дьявола. А в конце долгой службы и награда по дьяволу – безутешная смерть да забвение. И ничего вам с этим не сделать, невозможно ничего изменить.

– Это правда, лично я ничего с сатаной не поделаю, – не стал возражать Чапай, при этом шлёпнул на лбу пригубившего командирскую кровь комара, да так, что алые брызги окропили чело. – Однако меня постоянно подмывает спросить, почему бы Вам, при Вашем могуществе, не взять да и не заломить зверюге рога? Ведь от скольких бедствий смогли бы оградить человечество. – Узнаю любимое ваше занятие – перекладывать собственные заботы на чьи-нибудь плечи, – с издёвкой отреагировал Создатель. – Вот с комарами, Василий, ты лихо справляешься, лупишь, как вижу, без промаха. Комара пришибить дело не хитрое, ты попробуй назад отыграть, попробуй воссоздать комарика заново, а ведь вы целый мир вознамерились переиначить. Разрушить можно всё что угодно в один момент, гораздо сложнее потом возвести. А тебе никогда не приходило на ум, что дьявол не сам по себе, что он послан на Землю как вызов, как приглашение человека к стяжанию доблести? Не важно, себя ли совершенствует человек, пишет на холсте творение маслом или постигает законы природы, он непременно выходит к барьеру пред дьяволом. Этот поединок не знает пощады, потому что лавровая ветвь победителя достаётся всегда одному. Под секретом открою: стражники у Триумфальных ворот, несущие караул на выходе из подлунного мира, требуют пропуск под грифом «победа». Должен заверить, что стражников этих никакою силою невозможно сломить, никакими слезами разжалобить. Ты Меня извини, но всё-таки хочется услышать конкретно, что за странное слово такое – «революция», что оно по твоему разумению означает.

– Разделяю Вашу любознательность, Отче наш, сейчас объясню, – с готовностью отозвался Василий Иванович. – Но прежде позвольте узнать, а что случается с теми, кто оказался без этого хитрого пропуска на выходе из подлунного мира, кому не удалось одержать победу над дьяволом?

– А ничего не случается, просто они остаются у вас и с подобающими ритуальными почестями предаются забвению. Иногда, для особой потехи, прощание обставляется богатыми хлопотами, порой шумиха доходит до устройства помпезных, не всякому доступных кладбищ. Однако давай не отвлекаться и лучше вернёмся к вашей замечательной революции.

– Чего проще, здесь вообще нет вопросов. – Чапай с воодушевлением заломил на затылок командирскую папаху. – Если по-нашему, по-военному, без лишнего словоблудия и пороженного трёпа, то за словом «революция» стоит справедливое желание трудового народа объединиться и утвердить себя полноправным хозяином жизни. Известное дело, что для достижения революционного миропорядка необходимо полностью избавиться от стяжавших непомерные богатства господ, паразитирующих на нуждах простого народа.

Комдив от души порадовался своему необыкновенному красноречию, раньше ему никогда не удавалось так чётко и убедительно формулировать великие цели пролетарской револю-

ции. А сегодня, не хуже чем у самого Карла Маркса, слова будто шрапнели от стенки отскакивали.

– Понятно, понятно, – в раздумье подал голос Создатель. – Насчёт хозяев жизни ты, пожалуй, погорячился, уж поверь, хватанул в запале сверх меры. Не обижайся, но нельзя быть хозяином того, что от тебя ну никак не зависит. Вот до большого потопа, при стареньком паромщике Ное, люди жили едва ли не тысячу лет, и даже тогда не осмеливались гордо величать себя хозяевами. А вы так, каких-нибудь шесть или семь десятков годков, но гонору – на целую вечность. Чудаки, совсем как малые дети. Теперь, если не возражаешь, выскажусь по существу. Мне всегда казалось, что любое стадное оформление человеческого счастья должно унижать настоящую гордую личность. От века не знаю примеров, чтобы скопом удавалось совершить что-нибудь путное. Всё лучшее, чем когда-либо восхищали небеса представители подлунного мира, имеет индивидуальное происхождение. Поэтому нас вовсе не занимает ваше коллективное творчество, пусть и с благородной мечтой осчастливить всё человечество. Только и утешает, что даже среди тараканов попадаются штучные экземпляры, которые не желают шевелить усами в ногу со всеми. Ты не сердчай, дружище, здесь у Меня по дальней связи кто-то настойчиво говорить прорывается. Давай оборвём на минутку беседу, выясню, кому там шибко не терпится.

Если учесть, что у комдива порядком саднила раненая нога, то возникшая пауза подошла ко времени. Василий Иванович не торопясь ретировался с ольховой коряги на песчаный берег, ухмыльнулся в усы и сделал несколько глубоких приседаний под ласкающий ухо скрип генеральских хромовых сапог. С гибкостью необстрелянного юнца прогнулся взад и вперёд, дотянулся вытянутыми пальцами до мокрого речного песка, выпрямился в полный рост и молниеносно выхватил шашку. Потом сделал пару боевых с присвистом махов и лихо загородил в ножны клинок.

Между прочим, за верхними кустами он приметил выглядывающую из-под зелёного лопуха шкодливую рожу Кашкета. «Шпионит, сволочь, – взял на заметку комдив, – сегодня же спущу с него шкуру». Но не стал отвлекаться по пустякам, а скоренько прикинул свои доводы в пользу мировой революции.

Собравшись с мыслями, комдив возвратился на прежнюю позицию и примостился сядлицем на ещё хранящую тепло его тела корягу. Выдохнул с облегчением и решительно врубил мобильную связь.

– Вы слышите меня, Отче наш? – для проверки контакта поинтересовался в телефонную трубку Чапай.

– Слышу, куда ж мне деваться, – спокойно ответил Создатель, – Я вообще слушаю всех и всегда, служба такая, нельзя Мне иначе. И всё же забавный ты у Меня собеседник. Я же не спорю, что люди должны искать согласия в обществе, строить подходящие для благополучия большинства условия жизни. Но при этом не следует забывать о главной заботе для любого разумного человека – об обретении вечности. Земля, доложу тебе, удивительно щедра на таланты, сколько достойных сынов предъявила миру она, мы всегда на ваших избранников очень рассчитываем. Чего стоит один только граф из Ясной Поляны, достопочтенный Лев Николаевич. Должен заметить, беспокойным клиентом старичок оказался, нам с ним порой бывает не скучно. Рассуждает красиво и в жизнь влюблён беззаветно, вот уж воистину непреходящее на все времена украшение. Забавно наблюдать, как мудрость ваших славных поводырей сиротливо пылится на книжных полках сама по себе, а человечество сломя голову мчится на перекладных к месту своего назначения, практически без оглядки по сторонам. Скажу не для посторонних, мы вовсе не против этой отчаянной гонки. Хотя в душе сожалеем, что редко прислушиваетесь к дельным советам ваших мудрых наставников.

Вся эта пустопорожняя болтовня, при всей своей видимой незаурядности, ни в чём комдива не убеждала. Как всегда в краснобайстве Создателя не было самого главного – не было ясных ответов на вызовы сегодняшних дней.

«В самом деле, – рассуждал сам с собою Чапай, – в дивизии половина личного состава уже сложила головы в боях за победу мировой революции, а Он рассказывает байки про чудакватого графа из Ясной Поляны. Графу тому, при его богатствах, ничего не оставалось, как только валять дурака и порожней писаниной заниматься. А у меня за каждым бойцом вереница детишек стоит, всех одеть, накормить полагается, без наследных имений и крестьянского за миску похлёбки труда. Ничего, с беляками разделаемся – всё устроится. Сейчас в последний раз попытаюсь выложить Ему как на лопате основные задачи мировой революции».

И непреклонный комдив снова ринулся, будто с развевающимся знаменем в свободной от шашки руке, в неравную схватку:

– Всё-таки я хочу, чтобы Вы наконец-то пришли к пониманию наших главных надежд, уважаемый Отче наш. Должен заметить, что народы подались в революцию не слепой, одуревшей толпой, впереди у нас самые светлые умы человечества. Прежде чем возглавить борьбу, пролетарские вожди написали великую книгу, не уступит священному Писанию. Рекомендую запомнить, «Капиталом» этот труд называется. В нём, без всяких Моисеев, единственная заповедь написана, но уж больно толковая: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Вот мы и ведём дело к мировому сплочению всех пролетариев. Вам, скорее всего, наших забот не понять, потому как привыкли промышлять в одиночку. Когда мир создавали, ни с кем не советовались, наворотили за шесть дней пойдя разберись чего. Теперь нам приходится всё переделывать, по законам равенства и братства, или как ещё у нас говорят – по уму. Что бы Вам было понятно – честно и справедливо. Так что, выходит, мы Вашу работу доделываем. Я ни на что не намекаю, но у нас за такие услуги магарыч выставлять полагается, железное народное правило.

И вот уже после виртуозного командирского спича наступила вязкая, трудно текущая пауза. Василий Иванович пришёл к радостному заключению, что это от его сокрушительных аргументов Создатель утратил способность по каждому поводу умничать.

Тем не менее из телефонной трубки донёсся изрядно подсевший голос Создателя:

– Я здесь на другую табуретку пересел, поближе к форточке, – после твоих откровений воздуха иной раз не хватает.

Действительно, было слышно, как скрипит кухонная табуретка, как заедает старинный несмазанный шпингалет и с шумом отворяется форточка. Даже едва уловимый шёпот считываемых валерьяновых капель не ускользнул от чуткого микрофона мобильного.

– Ну что тебе сказать, – продолжил Всевышний, – за готовность помочь, конечно, спасибо, ощущаю плечо настоящего друга. Только магарыч полагается выставлять по завершении всей работы, если точно следовать вашей народной традиции. Как только управитесь со своей революцией, дайте знать, Я не замедлю, не привык оставаться в долгу. По такому случаю, не исключено, что и Сына пришлю, пускай вместе с православным человеком порадуются. Между прочим, скучает за вами, хотя и обошлись с Ним не очень приветливо. Если пользоваться твоим словарем – не по уму, то есть не совсем справедливо. Извини, что отвлекаюсь, но ты хоть обращаешь внимание, как нынче утром в Разливе птицы поют? Давай помолчим, насладимся хоть малость – до чего же люблю наблюдать на ранней заре пробуждение вашей природы.

Василий Иванович невольно сосредоточился, и произошло обыкновенное чудо – как будто во всю мощь врубили большой колокольный репродуктор и вывалили на комдива бесконечно пёстрое разноголосое пение птиц. В детстве он безошибочно умел отличить дробное коленце малиновки от трели с росчерком певчего зяблика. Как никто иной понимал разницу между дроздом белобровиком и тем же рябинником, но даже не заметил, как все эти милые, трогательные навыки безвозвратно растерял по фронтам мировой революции. Только поганое

вороньё не позволяло забывать о себе, регулярно отмечаясь на штабных документах картонными залпами.

– Да ты не расстраивайся шибко, Василий. Я и сам иногда увлекаюсь сверх меры работой, забываю про всё, представь себе и про пение птиц, – несомненно для учтивости, деликатно вошёл в положение смущённого собеседника Создатель. – Всё-таки, согласись, не умеем мы ценить обыкновенную жизнь, может, потому и шарахаемся в буреломы мировых революций. Между прочим, Я немного опасаясь – это ваше невиданное объединение всех пролетариев, оно не будет препятствовать прекрасным порывам души поодиночке влюбляться, обзаводиться детишками, с упованием отходить в мир иной, наконец? Много чего приходится делать человеку без постороннего глаза, чтобы оставаться в образе прародителя вашего, иначе недолго ведь и к макакам скатиться. Я уже не говорю о покорении олимпов бессмертия. Лев Толстой хотя и выходил на сенокос с мужиками, но великие романы ваял без свидетелей. Так же как и дивный поэт Александр, в преподобии Пушкин, под шум ветвей и скрип гусиных перьев, палил одиноко свечу томительными болдинскими вечерами.

– Кто ж спорит, Отче наш, – с готовностью подхватил беседу комдив. – Случаются занятия, в которых и мы пока что порознь стоим, а там дальше видно будет. Москва ведь не сразу строилась. После окончательной победы мировой революции не хуже чем в раю обустроим жизнь на Земле. Ещё будете прилетать к нам в дивизию, как на курорт, отдыхать от вселенских забот. Лично для Вас, по дружбе, льготную путёвку в штабе обязательно выпишу. Поселим в лучшие номера, для командирского состава назначенные. Не очень удобно спрашивать, но если понадобится, сможем путёвку и на двоих предложить. Хотите, с видом на Эльбрус, а можно – с балконом на тихую бухту. Вырулите среди ночи на балкон с кем следует, вдохнете запах прибоя и такие силы привалят, что уже до утра заснуть не получится.

В ответ на заманчивое предложение Создатель разразился таким неестественно громким хохотом, что Василий Иванович натурально забеспокоился о технической сохранности мобильного аппарата. Это была одна из многих причуд таинственно возникшего небожителя. Он всегда начинал смеяться неожиданно, в самых неподходящих местах, заставая комдива врасплох, и очень резко, как сабельным махом, прекращал ликование. И вот на сей раз, после приступа гомерического хохота, безо всяких уважительных причин шлёпнул что-то совсем непотребное, впору было категорически обидеться и никогда не отвечать на звонки.

Представьте себе, вопрос Создатель поставил как-то совсем возмутительно, недопустимо бесцеремонно. Судите сами, Он без всякой подготовки, как обухом по голове, бессовестно брякнул:

– Скажи мне, гулёна, по чести, ну какие из вас райские жители? Ты зачем это с Анкой при законной жене по делам волокитства балуешь?

– Опять двадцать пять, – завёлся с пол-оборота Чапай и едва сдержался, чтобы не вышвырнуть дьявольский мобильник в студёное озеро. – И далась же Вам эта златокудрая девка. Разве не противно за всеми подглядывать, как прыщавый мальчишка в замочную скважину. Уж на что непреклонен наш Фурманов и тот по праздникам новобранцам самоволки скопает, понимает, что всякому человеку полезно бывает иногда и расслабиться. Это только на небесах жизнь спокойна да благодатна, а в дивизии с утра до ночи мечешься между чёртом и ладаном. Поди ещё разберись, где сподручней. От Вас, между прочим, никто ещё весточки не присылал, не выступил в роли свидетеля, а доверяться пустым обещаниям про безмятежную райскую жизнь, согласитесь, не совсем привлекательно. И есть она сладкая загробная жизнь или нет её вовсе, кем-то вилами по очень мутной воде для соблазна, а может, и в насмешку, написано. Вот покончим с беляками, шашку над койкой приколочу, детишек полный дом приживу, сам нянчить стану. Разве я не понимаю, что с законной женой миловаться положено. Всё наладится, дайте срок.

– Лучше бы ты с этими занятиями не откладывал, – участливо посоветовал Создатель. – Всего ведь не предусмотреть, не забывай любимую присказку бывалых казаков: «Человек предполагает, а жизнь копытом лягает». Постоянно предостерегаю тебя, чтобы не засиживался по ночам в штабе с молодыми девчатами. Не ровен час – под покровом темноты накроет противник, на том и закончатся все твои беспокойные мытарства между чёртом и ладаном. От нас возвратиться, в самом деле, не просто, но ведь силком мы к себе никого не затачиваем. Живите на Земле хоть тысячу лет, как при старом паромщике Ное. Удавалось же вашим далеким пращурам не торопиться к нам в гости.

– За Вашу заботу спасибо, Отче наш, – начал вежливо откланиваться Василий Иванович. – Только захватить меня врасплох, за здорово живёшь, у противника не получится. У меня дозоры в секретах стоят, из самых надёжных, самых отважных бойцов. Я с ними и собственной кровушки на полях сражений немало спустил. Всё одно мы первыми с беляками покончим, отправим их к Вам на последнее исповедание. Вот тогда и убедитесь, какая там нечисть, один к одному, как на подбор собралась. Премного благодарен, что меня грешного не забываете, однако время под горло берёт. Возле шалаша, небось, ординарец давно на докладе стоит. Не сердчайте, на службу пора, негоже командиру примеры разгильдяйства бойцам подавать.

Откланявшись, по строгому чину Георгиевского кавалера, Чапай неторопливо опустил заметно разогревшийся от долгой беседы мобильный агрегат в глубокий карман галифе и в который раз обратил внимание на одно загадочное обстоятельство. Во время сеанса телефонной связи с Создателем комдив постоянно испытывал странное ощущение физической близости, явственное Его присутствие буквально на расстоянии вытянутой руки. Несколько раз даже ловил себя на внезапном желании протянуть руку и прикоснуться к собеседнику. Но лишь только мобильная связь обрывалась, таинственный абонент молниеносно удалялся куда-то в поднебесье. Вот эта иллюзия близости Создателя и иллюзия молниеносного Его устранения по какой-то ракетной траектории была настолько убедительной, что Чапай всякий раз обращал свой недоумевающий взор в бесконечную небесную даль.

На сей раз, по странному стечению непостижимых без хорошей выпивки обстоятельств, он увидел высоко над озером плавно скользящего молодого ястребка. Распластав упругое перо режущего воздух крыла, тот стерегуще высматривал прозрачные воды Разлива, готовый в любую секунду поразить подуставшего от праздника жизни обитателя древнего озера. Неожиданно шалая мысль посетила комдива: «Быть может, это и есть преобразенный Создатель, от такого штукаря чего угодно дождётся».

Глядя не отрываясь на парящего ястребка, Василий Иванович легко, словно юнец, соскочил с ольховой коряги и, понятное дело, испытал глубокое удовлетворение от ощущения под ногами земной тверди. Хотел было подхватить походную бурку и направиться к командирскому шалашу, но остался верен строго заведённому распорядку и принялся выполнять инициативно возложенный на себя комплекс физических упражнений.

Он добросовестно проделал знакомые каждому физкультурнику круговые вращения рук, совершил глубокие поясные наклоны. Потом по-молодецки, будто скачущий мячик, преодолел череду упругих приседаний, наслаждаясь тугим скрипом хромовых трофейных сапог. И в довершение привычным рывком оголил наострённую шашку, сделал несколько с присвистом атакующих махов и лихо вогнал в ножны клинок. Только после окончания всех добровольно принятых на себя физических нагрузок комдив накинул каракулевую бурку и стремительно направился вверх по откосу, к известному всей дивизии чапаевскому шалашу.

Горящих и неотложных забот впереди предстояло бесконечное множество. Ещё не все распоряжения командира оставались должным образом принятыми к исполнению в связи с предстоящим генеральным сражением. Ещё планировали с Фурмановым объехать передовые эскадроны, провести партийные собрания, настроить личный состав на решительный, революционный лад. Да и с ординарцем предстоял тяжёлый, неліцеприятный разговор: надо же,

наконец, положить предел его безрассудству, иначе и себя, и, чего доброго, самого Чапая под трибунал подведёт.

Глава вторая

На широкой лесной поляне, обрамлённой стеною вековых деревьев, под всеми парами кипела по-военному походная жизнь. Прямо против входа в командирский шалаш, на расстоянии не более десятка шагов, за большим, в три обхвата, дубовым пеньком, окружённым тесовыми лавками, суетился над разогретым самоваром чапаевский денщик. Долговязый, охламонского вида детина в вылинявшей гимнастерке что-то сварливо бормотал себе под нос, остужая резкими помахиваниями припёкшиеся ладони.

В ряду всевозможных отличительных несуразностей, характеризующих экзотическую натуру денщика по прозвищу Кашкет, самым неоспоримым его достоинством было умение залихватски играть на трёхструнной балалайке. Ещё не придумали на свете такой музыкальной мелодии, которую балалаечник не способен был изобразить с первого наигрыша, в самом виртуозном разрешении. Лишь только за эту незаурядную способность Чапай делал ощутимые поправки Кашкету, на многое закрывал глаза. Хорошо бывает после жаркого боя ополоснуться нагишом в древнем озере, согреться у костра и послушать вечерком задушевное треньканье балалаечных наигрышей. На правой руке денщика, в результате ранения, отсутствовал большой и указательный палец, но оставшиеся три, в компании с тремя посеребрёнными струнами, с лихвой замещали малый симфонический оркестр.

Здесь же, у импровизированного кабинетного стола, то бишь командирского пенька, забавлялся приبلудившейся собачонкой боевой товарищ комдива и бесстрашный сорвиголова ординарец Петька Чаплыгин. Между прочим, почтительно величаемый в дивизии Петро Елисеевич. Он подманивал псинку кусочком белоснежного рафинада, добродушно желая приобщить её с помощью сладкой жизни к цирковому искусству. Собачонка дерзко вскакивала на дрожащие задние лапки, но сразу же теряла неустойчивое равновесие и с визгом опрокидывалась на спину, чем приводила в неописуемый восторг здорovenного красноармейца. Ординарец был живым воплощением четвёртого богатыря, лишь по забывчивости художника не запечатлённого на любимой в народе картине, традиционно украшающей вокзальные буфеты и дворцы культурного просвещения.

При виде сосредоточенного, приближающегося наступательным шагом комдива в распахнутой бурке на Петькиной по-детски бесхитростной физиономии засветилась счастливая улыбка, отвечающая состоянию «жизнь удалась». Возникало полное впечатление, что ординарец готов раствориться в отеческих объятиях легендарного командира. Тем не менее без лишней фамильярности боец выстунил в неподвижной стойке и сделал под козырёк, демонстрируя готовность тотчас приступить к выполнению любого, самого рискованного задания.

– Докладывай, герой, как ночевала дивизия? – без долгих предисловий поинтересовался комдив, по-петушину выпячивая грудь перед габаритами сияющего молодца.

В ожидании ответа Василий Иванович сбросил за спину, прямо на росную ещё траву, походную бурку. Ловко захватил в обе руки потёртый до бронзовых залысин бинокль и начал рассматривать верхушки ближайших сосен.

То, что Чапай начинал разговор в деловом командирском тоне да ещё с приставленным к глазу биноклем, было недобрый знаком – об этом знал любой красноармеец доблестной дивизии. В данном случае Василию Ивановичу сделалось доподлинно известно, что ординарца в расположении ночью не было. Самовольная отлучка за пределы контролируемой территории являлась грубейшим нарушением воинского устава, фактически прямым отступлением от присяги.

Кашкет ещё с вечера стукнул командиру, что Петруха втихаря мотался за линию фронта, чтобы сменить у знакомого беляка за четыре трофейные гранаты золотое колечко для своей обожаемой невесты, пулемётчицы Анки. По закону военного времени, дело следовало без про-

медления пускать в трибунал, и вопрос этот всю прошедшую ночь не на шутку тревожил комдива. Но вылазка была точно геройской, не в смысле потери четырёх гранат, при очевидной нехватке огневых средств, а в смысле добычи подарка для любимой подруги. К тому же Петька не единожды своей боевой отвагой сохранял Чапаеву жизнь и, что самое важное, крепко умел держать язык за зубами. А уж это по революционным временам сразу тянуло на пару «Георгиев». Поэтому Василий Иванович отставил бинокль, пристально посмотрел ординарцу в источающие безмерную радость глаза и задал прямой, как хлопок карабина, вопрос.

– Сам покажешь колечко или дуру станешь ломать? – предельно недвусмысленно поинтересовался Чапай. И перевёл внимание на пройдоху Кашкета, который с показной бережливостью отряхивал с походной командирской бурки приставшие листочки и веточки.

Новость, надо прямо сказать, застала Петьку врасплох. Он даже в мыслях не допускал такой подлой засады, так как был абсолютно уверен, что операция прошла без сучка без задоринки. Если по-честному, то беляком был двоюродный его брат, Митька. С ним прошло безмятежное деревенское детство, с ним делил беспокойную молодость, и дружба эта никогда не терялась. При всей беспощадности гражданской войны, братья так и не научились видеть друг друга сквозь крестовины прицелов стрелковых оружий. Не было серьёзных причин, да и здравого смысла, разрушать годами скреплённую, живую кровную связь.

Не отыскать в целой округе более удачливого конокрада, чем Петькин двоюродный брат, поэтому они сообща частенько обстрипывали гривастые сделки. Не единожды братан втихаря навевывался в расположение чапаевской дивизии. Мог заявиться к Петьке просто на чай, но более всего для совершения доходных комбинаций. Две недели назад Митька не преминул поздравить с днём рождения сердечную зазнобушку почитаемого брата, пулемётчицу Анку. Заявился с роскошным подарком, в виде хрустящего кавалерийского седла чудесной английской работы, в заплечном солдатском мешке, и на обратном пути едва не угодил к чапаевцам в плен. Выручила горячая, из-под белого штабного офицера уведённая лошадь.

Как бы там ни было, но, после короткого замешательства, Петька всё одно озарился добродушной улыбкой и небрежно достал из верхнего кармана не по чину дорогой гимнастёрки злополучный трофей.

– А чего здесь таиться, можно не только взглянуть, а даже примерить. Я же не потянул его у своих боевых товарищей, – с нарочитой беспечностью предъявил на открытой ладони золотой перстёнок ординарец.

Чапаев мельком взглянул на сверкнувший трофей и, подчеркнуто, всем своим видом выражая презрение к золотой безделушке, кивком головы указал на центральный пенёк.

– Присаживайся, герой, давай почаёвничаем, – скорее приказал, нежели предложил командир. – Не хотелось разговаривать с тобой как с предателем революции, всё-таки не такого ординарца мне мечталось иметь при себе. Не знаю, как дальше службу нести получится, видно не судьба рука об руку завершать великое пролетарское дело. Теряем людей, и более всего бывает досадно, что не только в бою.

Кашкет особенно старательно орудовал за командирским пенёком с дымящимся самоваром, по-звериному ощущая нашкодившей шкуркой, что парочки крепких зуботычин ему не миновать – и это при самом фартовом раскладе. О тяжести Петькиного свинцового кулака он знал не понаслышке, врождённая шельмоватость регулярно способствовала напоминанию его убедительного веса. Поэтому денщик предусмотрительно поставил для ординарца лучшую, почти без замятин походную кружку. Вопреки заведённому правилу, ближе, чем к комдиву, пододвинул к Петьке туесок с рафинадом и сушками. Василий Иванович, щуря глаз, хитро наблюдал всю эту застольную дипломатию и перво-наперво предупредил кулачного забияку, чтобы тот попридержал свой воинственный пыл.

– Тронешь Кашкета – лично спрошу, – коротко заявил, будто отрезал, Чапай. – Он правильно поступил, не осрамил, не уронил чести своего командира. Тебе разве неведомо, что

нынче беляки по обоим берегам Урала свирепствуют. В любую минуту могут начаться военные действия, а мой личный ординарец болтается самовольно за линией фронта, чай распишет с противником. Ты, дуралей, не только себя, но и Чапая под трибунал готов подвести, всю дивизию способен из-за каких-то бабских капризов в два счёта продать. Тебе что же, Анкина юбка дороже нашей воинской славы? Может, ты и знамя дивизии на какую-нибудь золотую цапку махнёшь? Давай, доступ в штаб круглосуточно командирскому ординарцу открыт, тащи своему беляку боевое знамя, обогрëнное кровью погибших товарищей.

– Ну какой из него беляк, – начал со всей непосредственностью защищаться попавший в переплёт ординарец, внешним видом не проявляя никаких признаков душевного беспокойства. – Это же Митька, брательник двоюродный мой. Я же никогда не скрывал своего к нему отношения, Василий Иванович. Кабы не больная мамаша на его холостяцких руках, он давно бы к нам в дивизию перебег. И потом кони у капелевцев больно уж ладные, Митька не может без заработков оставаться. Вы думаете, ваш вороной Вулкан, гордость дивизии, откуда в штабной конюшне по весне оказался? Брательника заслуга, по моей просьбе, как для себя самого подбирал.

У командира, после такого дичайшего откровения ординарца, в приступе гнева затрясся подбородок, бешеной кровью налились и без того огневые глаза. Он даже привстал над скамейкой, как готовящийся к атаке чёрный коршун.

– Так ты что же, подлец, выходит, Чапая белогвардейскую кобылу подсунул? То-то вижу, она к офицерским аллюрам приучена. Да я с тебя за такую подлянку не просто шкуру, а все жилы спущу, не приму в расчёт никакие заслуги, даже боевые ранения. Вот тебе бабушка и Юрьев день, вот и оказался Чапай во вражеском окружении, не надо даже никаких войсковых операций для этого заморачивать.

– Добрый конь, командир, у него под хвостом белое знамя не намалëвано, – ничуть не смущаясь приступов гнева Чапая, парировал Петька. – Службу исправно несёт, копытами огонь вышибает. Навряд ли и Фрунзе таким скакуном перед строем похвалится. Я только не совсем понимаю, мы будем сейчас происхождением трофейных коней заниматься или золотому перстеньку по справедливости ладу дадим?

– Ты давай не юродствуй, со всем разберёмся, – пообещал, немного утомившись, оседающий на скамейку комдив. – По порядку рассказывай, для чего и каким манером завладел золотой побрякушкой на вражеской стороне?

– Скажите, Василий Иванович, разве я не имею права своей невесте для свадьбы подарок добыть? – в свою очередь поставил вопрос ординарец. – Или прикажете ей под венец в красную косынку от товарища Фурманова вырядиться? За нашими девками и так скоро начнут бугаи по деревне гоняться, всю дивизию красными тряпками занавесили, живём, как на ярмарке. Надоело, командир, должна же быть хоть какая-то нормальная жизнь. У меня от крови багряной кошмары по ночам приключаются, только красной косынки на собственной подруге для полной комплектации недостает.

Чапаев нервно выскочил из-за стола, пнул сапогом некстати подвернувшуюся собачонку и вплотную подошел к сидящему на скамье ординарцу. Тяжело, очень недобро посмотрел ему в ясные очи и негромко процедил сквозь зубы:

– Ты, недотëпа, Фурманова не тревожь, попридержи на поворотах копыта, в контрразведке таким губошлёпам лихо рога заворачивают. И запомни: красный цвет – это знамя нашего пролетарского гнева, нашей революционной кровушки. Ничего худого с твоей Анкой не сделается, если под венец в красную косынку советской невесты нарядится. Кому, как не вам, ближайшим помощникам командира дивизии, подавать молодым бойцам пример пролетарского гнева и верности трудовому народу. Чай не великая барыня, за будь здоров может и без золотых бубенцов обойтись, не за ради них мы жизни свои в бою не щадим, не для этого революцию мировую затеяли.

В незавидном положении оказался бедолага Кашкет, сделавшись невольным участником обретающей политическую окраску свары. По правилам революционного жанра, следовало хотя бы кивать головой в знак солидарности с патриотической речью комдива. Но Петькин тяжёлый кулак, начинавший заметно сжиматься в кувалду на дубовой столешнице, не очень способствовал проявлению большевистского гнева.

– Насчёт барыни, это как для кого, – не сдавался настырный ординарец, – а для меня дорогая избранница – самая настоящая царица и есть, королева ни с кем несравненная. Имей на то власть, все сокровища мира, не раздумывая, возложил бы к её точёным ногам и всё одно оказалось бы мало. Вы или не были молоды, Василий Иванович, или никогда никого не любили? Да нет для меня в целом свете женщины краше, желанней, чем Аннушка, и почему это я не имею права подарить ей по случаю свадьбы золотое кольцо? Как хотите, так и понимайте, готов пойти под любой трибунал, не сбегу, по заслугам понесу наказание.

Петька неожиданно для себя самого вспомнил, как ещё в школе уважаемая всеми учительница рассказывала про влюблённых Ромео с Джульеттой и какое это несказанное удовольствие – умереть за великую любовь. Ему даже самому захотелось, чтобы его расстреляли, но обязательно в жарких объятиях подруги и чтобы долго потом можно было смотреть, как она рыдает, как сокрушается над его бездыханным телом и в отчаянии отправляется следом за ним. Правда, куда и зачем отправляется, было как-то не очень понятно. Может, даже на небеса, однако всего лучше, если в большую скирду пахучего приуральского сена.

– Может, ты и прав, чёрт тебя знает, – засомневался комдив, – может, мы и воюем за то, чтобы могли своим любимым самые дорогие подарки дарить. Только не надо мне пудрить мозги, я пока ещё в состоянии видеть разницу между вечерней зарёй и бараньими яйцами. Одно дело подарки невестам преподносить, другое дело – с противником в дружбе якшаться. Если каждый начнёт между белыми и красными по линии фронта скакать, по своему усмотрению на чай к кому попадая вечерком заворачивать, вся дивизия в балаган превратится. Мы люди военные, присягу перед лицом боевых товарищей давали не для того, чтобы анархию в строю разводить, война таких клоунов быстро приструнивает. Наказание понесёшь по всей строгости, чтобы впредь неповадно было. Я умею быть добрым товарищем, но и командиром строгим не забываю перед знаменем революции быть.

Самым крупным специалистом по части золотых и серебряных дел среди всего личного состава заслуженно считался проныра Кашкет. Вокруг него, как мухи вокруг варенья, постоянно крутились какие-нибудь дорогие вещицы. Однажды в отбитом у бежавших офицеров обозе чапаевский денщик откопал старый валенок, доверху набитый ювелирными украшениями. То был знатный трофей, в награду за который сам товарищ Фрунзе подогнал в пулемётную роту три новеньких, ещё ни разу не бывших в употреблении «максима» и пару чистокровных донских рысаков. Кони, признаться, каким-то загадочным образом по-шустрому слиняли из тёплой конюшни. Главный лошадиный доктор, кавалер бесконечных заслуг перед именем мировой революции, некто Коценбаум Александр Соломонович, не уставал повторять, что зверюги обожрались некачественной соломой и в одночасье скопытились от сильного вздутия. Однако не знающие устали красавцы-пулемёты и по сей день исправно несли военную службу.

После истории с обозным валенком малая толика золотишка всё-таки просочилась в ряды красноармейцев. Время от времени то один, то другой предприимчивый боец выставял на продажу или обмен дорогие безделицы. Денщик, несмотря на голодное военное время, заметно округлился мордой и сделался ещё больше ленив и беспечен. Не случайно молва утверждает, что «кому война, а кому и мать по всей форме родная».

Когда страсти за центральным пеньком чуток поутихли, доблестные стражи революции всё-таки принялись за утренний чай. Василий Иванович, перекатывая в ладонях горячую кружку, несколько раз не удержался и взглянул на злополучное золотое колечко, лучистым сверканием деликатно украшавшее Петькин крайний, самый маленький, палец. Неожиданно

Чапай резко отставил недопитую кружку и предложил потягивающему липовый взвар ординарцу:

– Дай Кашкету взглянуть на невестин подарок, пускай разберётся, он хоть стоит твоих неприятностей. По мне, и дюжиной таких перстеньков не перевесишь позор, не смягчишь неизбежное теперь наказание. Удивил ты меня, по-предательски, со спины рубанул.

Враз преобразившийся корифей золотых и серебряных дел, всё ещё пряча шkodливый глаз, по-деловому принял из Петькиных тяжёлых ручищ искрящийся драгоценным сиянием золотой перстень. Денщик с важным видом заправского профессионала испытал изделие на вес, сначала в одной, потом в другой руке, и одобрительно кивнул головой. На зуб брать не стал. Долго и медленно, большей частью для фасона, вертел колечко со всех сторон, то приближая, то удаляя от глаз. Порой с таинственным видом отводил взгляд в сторону и, наконец, вернул изделие законному владельцу.

– Чего тянешь, дубина, докладывай, – вспыхнул от нетерпения ёрзающий на скамейке комдив.

Кашкет, не теряя достоинства крупного специалиста, сделал несколько мелких глотков горячего взвара, как оказалось только лишь для того, чтобы потрепать по спинке вертящуюся у ног блохастую собачонку. После чего ещё для солидности поразмышлял о чём-то своём, ухмыльнулся и, обращаясь непосредственно к командиру, огласил свой непреклонный вердикт:

– Так себе вещица, Василий Иванович, она хоть и золотая, из червонного материала сварганена, но стеклярус цены невысокой. Больно на американские фортели смахивает, в германскую кампанию частенько попадались такие штуковины. Не желаю никого обидеть, но, по мне, гораздо полезней было бы гранаты для военных батальонов в дивизии сохранить. Хотя, когда речь идет о сердечной зазобе, трудно бывает и разобрать, что на самом деле дороже.

У Чапая от результатов экспертизы майским днём заиграло на сердце. Нет слов, жалко, конечно, разрывных трофейных гранат, но всё же это гораздо приятней, нежели бы в пользу Петьки сложилась удача. Он всегда тайно и ревностно завидовал молодцеватому ординарцу. Завидовал его холостяцкой беспечности, да что греха таить, был очень неравнодушен к пылкой красавице Анке. Будь он хоть чуток по-моложе да не имей на руках законной семьи, ни за что не уступил бы сопернику молодуху.

Петька скорчил недовольную физиономию, подбросил золотой перстень на ладони словно орлянку и картинно опустил в верхний карман гимнастёрки. Так же спокойно допил липовый взвар, а остатки небрежно выплеснул через плечо. Его мучил один только нерешённый вопрос: «Стоит ли посвящать командира в исключительную биографию дорогого колечка или скрыть от греха подальше. Всё-таки что ни говори, но у вещицы родословная знатная, за такой, если слух просочится, по всему свету гоняться начнут, вместе с руками оттяпают. Не Кашкету, гадёнышу, сопли размазывать о моём трофее, даже не подозревает, скотина, что за ценность побывала в его шаромыжных руках». И ординарец, не терпящим возражения тоном, с презрением огласил свой, не менее суровый, вердикт:

– Много понимаешь, ишак, тебе только кобылам под зад заглядывать, под хвостом золотые червонцы искать. Неужели вы всерьёз доверяете этому фармазону, Василий Иванович, он же в ювелирных делах такой же знаток, как я в китайской грамматике. Ничего, дайте срок, уж я-то не поленюсь, натаскаю гадёныша в сокровищах разбираться, на всю жизнь за чужой спиной не схоронится, а память у меня крепкая, ещё поквитаемся.

– И чего ты, дуралей, ерепенишься, я денщику доверяю всецело, – выступил на защиту Кашкета повеселевший Чапай и даже дружески похлопал по плечу ординарца. – Он в этом деле толк понимает. Разве забыл, кто пудовый клад в отбитом белогвардейском обозе разворовал? Для всех это был просто валенок, а Кашкет, не будь дураком, сразу просёк, в чём секрет, и обнаружил вражеский схрон. Тебе бы самому у него чуток подковаться, тогда, глядишь, в

следующий раз половчее окажешься. Сердцем чую, придётся повторно к бяляку вылазку уже для возврата имущества делать. Мало того что военную присягу нарушил, ещё и в дураках оказался. Продул по всем фронтам противнику, все позиции просвистал. Видно зря при себе в ординарцах держу, так можно и до конюха дослужиться. Говорю же, теряю друзей, и не только в бою, от этого на душе сиротливо становится.

Василий Иванович, сидя на скамейке, нарочито горестно закачался всем туловищем, и лицо его выразило неподдельную печаль. Он взял в обе руки неотлучный бинокль и принялся рассматривать верхушки дальних сосен, как бы давая понять, что одиноко ему сделалось в этой недостойной компании.

– Не продул, Василий Иванович, вы что же, во мне сомневаетесь? – отреагировал на отчуждение комдива уязвлённый по самолюбию ординарец. – Не хотелось говорить при этом ишаке, но откроюсь. Говорю как на духу. Золотое колечко это в своё время царским барышням принадлежало, тем самым, которых большевики в Ипатьевском подвальчике в расход пустили. О настоящей цене этой штуковины не Кашкету судить, бьюсь об заклад, подороже всего его трофейного валенка будет. Вы эту шкуру не больно и слушайте, ведь я до поры молчу про обозный трофей, ещё надо посмотреть, кого первым под трибунал подвести полагается. Ряшку такую отъел, что на тачанке за неделю не объедешь, знаю ведь, на какие средства жировать приспособился.

Кашкет, после всего услышанного, даже слегка поперхнулся остатками взвара. В истории с обозным трофеем, разумеется, рыло его крепко обвалялось в пуху, но ведь и Петьке кое-что перепало. Две золотые чайные ложечки как с пенька отвалил ординарцу, не считая денежных постоянных услуг. И всё же более всего огорошило упоминание о царском трофее. Про вырученные бриллианты, после расстрела царской семьи, слухи до него, натуральным образом, кое-какие доходили. Однако предположить, что вот так ненароком выпадет удача держать их в собственных руках, не мог позволить себе даже в самых смелых фантазиях. Тем более пойдя разберись, сколько должно стоить снятое с венценосного пальчика дамское украшение.

– Петро Елисеевич, не обессудьте, дозвоьте ещё разок подержать в руках золотое колечко, – беспокойно засуетился Кашкет. – Может, я второпях чего не приметил, дело ведь тонкое, требует большого внимания. Вам всегда так не терпится, что нет никакой возможности сосредоточиться, вникнуть спокойно, прицениться по-настоящему. Царские ценности – это же мой профиль, никто в целом мире вернее меня экспертизу не проведёт, зуб даю, надёжней швейцарских банков сработаю.

– Я если разок подчекрыжу твой профиль, на всю жизнь царское золотишко щупать руками заморишься, – доходчиво, очень убедительно предостерёг денщика скорый на расправу жених. – Только раскрой где-то варежку, живьём закопаю, даже у Фрунзе за пазухой не схронишься.

Василий Иванович за трудные фронтовые годы хорошо изучил прямой, бескомпромиссный нрав своего ординарца, именную шашку готов был выставить под заклад, что тот трепаться напрасно не станет. Можно было не сомневаться без лишних расспросов, что с колечком действительно связана непростая история и ценность оно представляет куда как значительную. Видно не по зубам денщику оказалась царская эта штуковина.

Поэтому комдив молча принял для себя единственно верное решение – непременно вмешаться и расплести этот загадочный ребус. Но для начала достал из кармана галифе расшитый цветным бисером кисет, не торопясь, прокуренными пальцами завернул козью ногу, сам задымил и предложил угощаться товарищам. Петька не соблазнился табачком от командирских щедрот, сославшись на бессонную ночь и неважное настроение. Предлагать дополнительно дармовое курило Кашкету, понятное дело, никому не пришлось. Он проворно соорудил, величиной с добрый огурец, самокрутку, в которую вместились почти полкисета отборного табака, и зачадил, как могучий Везувий.

– Ты брехать-то брещи, да не заговаривайся, – начал провоцировать ординарца комдив. – Двух недель ещё не прошло, как набаламутил с продажей кобылицы генерала Деникина, всю пулемётную роту на уши поставил. Никаких уроков для себя не извлёк, не покаялся, и вот новую комедию с громкими именами начинаешь разыгрывать. Только я тебе не придурковатый калмык с пулемётной конюшни, враз осажу, напроць забудешь не только про перстень, но и про шнурки царских барышень. Ты аль взаправду свою Анку царевной объявить вознамерился, совсем от любви одурел? Может, и себе императорскую корону в кузнице у Алексея Игнатьевича втихаря забабахает? Советую почаще спускаться на озеро, остужать свою жаркую голову, не ровен час на корню запылает она.

Петьке сделалось невероятно досадно. Он не обиделся, когда шаромыга Кашкет обмишурился с золотым перстеньком и не признал в нём дорогую вещицу. Но совсем не по делу засомневался Чапай в чистосердечно раскрытой истории происхождения золотого трофея, обидно было выслушивать унижительное недоверие любимого командира. К тому же приплёл для чего-то кобылу генерала Деникина, которую ради хохмы за пару царских червонцев впарил растяпе конюху из пулемётной роты, может даже и калмыку, кто его знает. Так ведь сам потом и признался комдиву, что для успешного торга подгрузил генеральскую масть. Здесь же совсем иная закваска, по – настоящему крутой, фартовый замес. Перстенёк этот, вне всякого сомнения, на пальчиках царской дочурки блистал. Дорогущая вещь, не может быть по-другому, и нет ничего плохого, что теперь украсит Анкину подвенечную ручку. Пускай всем станет завидно, что невеста моя достойна любых, даже царских регалий.

– Ей-богу, Василий Иванович, – преданно присягнул командиру Петруха и рванул непроизвольно ворот гимнастерки, обнажив густо поросшую рыжей курчавиной грудь. – Мы с братьями и не такие дела проворачивали. Если он поставил на обмен золотую вещицу, с гарантией царского происхождения, можно принимать без всяких сомнений. В нашем роду своих надувать не положено, за такие шалости крепко умеют наказывать. Я про его кружева знаю много чего, стоит только капелевцам тихонько шепнуть, свои же офицеры к стенке поставят. Не вчера на свет народился. Братан у меня на таком кукане сидит, что баловаться ни за какие коврижки не станет.

– Ты давай не бузи, – потребовал Чапай, – толком рассказывай, всё по порядку. Откуда взялось это кольцо, как к беляку попало и причём здесь венценосные барышни. Что ты за человек такой, вечно в какой-то дряни по собственной дури изгадишься. Дело, скажу, не шутейное, болтаешь языком что ни попадя, совсем башкой соображать разучился. А ну как в штабе у Фрунзе дознаются про геройства твои да про царские украшения, нам здесь всем контрразведка такой подвальчик устроит, что Ипатьевский лёгкой разминкой покажется. Не примут в расчёт ни твои, ни мои геройства, не посмотрят даже на боевые ранения.

После наметившейся перспективы оказаться в армейских застенках, ординарец маленько притух, по-шуструму сообразил, что последствия действительно могут наступить не самые радужные. Он подтащил к себе бисером расшитый кисет, достал из кармана собственную осьмушку газетной бумаги и неспешно завернул козью ногу. После первых затяжек по телу волной прокатилась лёгкая блажь, предвестница душевного успокоения, и Петька начал покорно колотья.

– Чего тут долго рассказывать, – в святой простоте развёл руками бесхитростный воин, – обыкновенная фортуна. Колечко царское Митька затрофеил у недавно казнённого комиссара, который принимал личное участие в расстреле императорской семьи. Братан мой, слово даю, в пленного комиссара не стрелял, его белые офицеришки порешили. Митьке пришлось только продырявленное тело закапывать и, понятное дело, приглянул для себя трофейное барахлишко. Сапоги на скрипучем ходу присмотрел и кожаный френч, почти как у Фурманова. Он, дурачок, чуть было этот фасон на ведро прошлогодней картошки у знакомого мужика не сменил. Слава Богу, седло решил обновить, вот кожа в срочном порядке и понадобилась. Распорол

подкладку штыком от винтовки, а из-под неё золотым дождём украшения посыпались. Видать много чего интересного было на барышнях царских навешано.

Братан под секретом показывал мне золотой образец двухсторонний. С одного боку Богородица эмалью нарисована, с другого – молоденькая царская дочь улыбается. Окажись на руках у меня ещё пара обменных гранат, вместе с кольцом и золотой образец прихватил бы. Митька обещал не спешить до поры, придержать золотую вещицу. После боя поправлюсь с трофеями и, глядишь, махну через фронт за обменом. Царевну спилю, а образ Матери Божией пускай Аннушка на груди своей носит, на войне пригодится, от пули лишней раз в бою сбережёт. Оно понадёжней фурмановских красных косынок окажется. Хотя перед большевистским наганом, в расстрельном подвальчике, тонка кишка даже у священного образка оказалась.

История, которую поведал однополчанам Петька, произвела должное впечатление. Уже никто не сомневался, что перстенёк этот действительно царского происхождения и цена ему даже трудно представить какая немалая. Некоторые вопросы, конечно, возникали в связи с жестоким расстрелом законной обладательницы золотого трофея, но, как говорится, «бабушка с возу, а мы с песнями дальше поехали».

– Дай-ка сам посмотрю на штуковину эту, – после некоторого раздумья деловым, рассудительным тоном потребовал Василий Иванович и потёр в нетерпении шершавые ладони. Физиономия Чапая при этом сделалась почти как у знаменитого Карла Фаберже, правда без академической седой бороды, но зато в лихой папахе из отборного бухарского каракуля.

Комдив дождался, когда ординарец извлечёт из верхнего кармана своей гимнастёрки царское колечко, и бережно принял в дрожащие руки золотое с сверкающим камнем дамское украшение. Так же, как и все многоопытные люди, Чапаев попробовал в руке на вес ювелирное изделие, кивком головы выразил полное удовлетворение, покрутил со всех сторон и посмотрел на свет для чего-то. Несколько раз по-кашкетовски то приближал, то удалял колечко от глаз, но, положа руку на сердце, не обнаружил в нём никаких внешних признаков царского достоинства.

«Баловство, оно и есть баловство, – заключил про себя после тщательной экспертизы комдив, – у моей супружницы побрякушка ничуть не хуже на пальчик нанизана».

Единственная заслуживающая серьёзного внимания мысль, посетившая командира во время осмотра трофея, состояла лишь в том, что Анке, пожалуй, не следует носить перстенёк, снятый с руки убиенной барышни. Как ни ряди, но мародёрство больно уж грязное дело и завсегда возвернётся расплатою. Вряд ли это кровавое приключение с царским колечком ограничится расстрелом одного только казнённого белогвардейцами комиссара, такая ниточка не затеряется. О чём тут же, без всяких лукавых затей, поведал своему фавориту.

– Честно скажу, Петька, не нравится мне вся эта канитель. Чую нутром, что добром твое дело не кончится. Нехорошо, что золотое кольцо с безвинно или пусть по заслугам убиенной барышни содрано. Смерть, она метки чёрные ставит, за расстрелянным комиссаром обязательно кто-то следом подтянется. Наши деды, хотя и приносили добычу с войны, но сами никогда её на себя не напяливали, худой приметой считалось. Так что радоваться особенно нечему. Никогда ведь толком не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь. Бывает, что иной раз лучше по доброй воле отказаться от свалившегося на голову барыша, чем потом разделять чью-то горькую участь.

Надо сказать, что справедливые опасения комдива, так или иначе, посещали и беспокоили бесшабашного ординарца. Он и сам хорошо понимал, что негоже возиться с барахлишком казнённой девицы. Одно дело – гибель воина на поле сражений, но совсем иная закваска, если убийство человека под стенкой случается. Здесь могут завязаться такие проклятия, что потом никакими молитвами, полчищами загубленных душ не искупятся. И ещё не известно, сколько кровушки отворится после той живодёрни, что случилась в Ипатьевском гиблом подвальчике.

– Я вот как считаю, – огласил командир, после некоторых размышлений, свой заключительный вердикт. – Правильно будет, если вы почаёвничаете здесь без меня, а я к озеру до ветру схожу, обдумаю наедине сложившееся положение. В таких делах не следует к чертям на рога торопиться. А ты носа не вешай, – ободрил Чапай приунывшего ординарца, – и не смей, повторяю, приниматься учить денщика ремеслу золотарному. Чтобы мне потом не пришлось тебя самого из геройского ординарца в плешивого ювелира перелицовывать.

Василий Иванович, лениво ломаясь, поднялся из-за стола, хмыкнул в подкрученные усы и так же лениво продемонстрировал боевым товарищам «потягушки». Потом примерил на мизинец левой руки мелкое дамское колечко и для чего-то принялся рассматривать его в перевернутый бинокль. Долго и внимательно вникал в удалённый оптическим прибором перстенёк, наконец резко, как будто решил для себя что-то очень важное, отстранил неотлучный бинокль и со словами «не балуйте здесь без меня» и с очень загадочной физиономией торопливо направился по натопанной тропе к древнему озеру. Вездесущая собачонка, труся дробной кавалерийской рысцой, увязалась было за ним, но Кашкет предусмотрительно возвернул её лёгким похлопыванием ладошки о собственную коленку.

Не раз и не два вспоминал потом комдив, как, спускаясь по крутому береговому откосу, он неожиданно ощутил небывалую лёгкость, как будто невидимые ангелы закружили его на крылах своих. До сладострастия захотелось увлечься этим дивным кружением, довериться невесомости и отчалить в упоительно влекущую даль. Возникло приятное осознание, что он готов, что жаждет плотского перевоплощения, очарованный лёгкостью ангельского парения. Буквально волевым, сабельным махом он вырвал себя из стихии потустороннего наваждения, возвернулся в реальность и тяжело присел на заветную ольховую корягу, у самой кромки воды. При этом две скучающие жабы, быть может, душевно проводившие время на первом в своей жизни любовном свидании, шарахнулись в разные стороны.

«Вот так, наверное, умирают или сходят с ума», – подумал изрядно напуганный Чапай. И ещё подумал, что это, скорее всего, одно и то же.

Комдив извлек из глубокого кармана габардиновых галифе неотлучный мобильный телефон вместе с глаженным носовым платком, пропахшим терпким табачным настоем. Немного переведя дух, обтёр сухим батистом лицо и на какое-то время замешкался в нерешительности. Машинально почесал стриженный под ёжик затылок, потрогал себя за усы и принялся рассматривать серебряные кнопки на полированной телефонной трубке.

Необходимость обратиться за помощью к Создателю, буквально пару минут назад, вот только что, сидя за командирским пеньком, представлялась абсолютно понятной, не вызывающей ни малейших сомнений. Только Он мог безошибочно установить подлинность Петькиного трофея и дать единственно верный совет, как следует распорядиться золотым перстеньком, без печальных для пулемётчицы Анки последствий. Теперь же, после занятия позиции на ольховой коряге, комдива начали одолевать нехорошие подозрения. Чего доброго, у Всевышнего запросто может сложиться ложное впечатление, будто дивизия не за пролетарское дело героически борется, а втихаря промышляет бандитским разбоем, золотишко по собственным карманам распахивает.

«Впрочем, наверняка Он всё уже знает», – по здравом размышлении заключил Чапай и твёрдо набрал известный лишь ему одному ключевой девятизначный номер.

Фактически ещё не были нажаты последние четвёрки, как в трубке с готовностью ответили. Можно относиться к этому как угодно, но привыкнуть к подобным канканам, увы, невозможно. Создатель без всяких предварительных расспросов, со старта обрадовал:

– Я, Василий, в чужих сокровищах не разбираюсь и, по счастью, сколько помню, никогда не стремился к ним. Должен тебя разочаровать, на небесах несколько иные, более скромные представления о подлинных ценностях, они вовсе не связаны с железяками и цветными камнями. Не раз уже говорил тебе, что всё самое дорогое находится в самом человеке, но вы

не желаете соглашаться с этим, обманываете себя, постоянно выдумываете богатства какие-то смехотворные. Это оттого, что к вашим богатствам дорожка под горку накатана и путь на удивление скор. Мучительно прекрасна, крута и безлюдна манящая дорога к несметным сокровищам, сокрытым в каждом из вас. И те соискатели доблести, которые с дерзновением преодолевают сей славный маршрут, воистину делаются как боги, они по праву занимают почётное место в наших первых рядах.

– Вы даже слова не дали сказать, а уже целую лекцию прочитали и всё за всех порешали, – выразил справедливую досаду Василий Иванович. – С Вами же невозможно нормально беседовать. Вот не припомню, честью полного Георгиевского кавалера клянусь, чтобы я когда-нибудь тосковал по царским сокровищам, поэтому для чего же упрекать меня в несуществующих слабостях? Готов согласиться, что иногда нарушал Божьи заповеди, но гоняться по фронтам за бабскими украшениями мне и в голову никогда не пришло бы. Вы же знаете не хуже меня, что ординарец сменял золотой перстенёк на четыре гранаты и получил заверение о его принадлежности дочери Николая Второго. Петькин двоюродный брат клятвенно заверяет, что колечко потянул казнённый белогвардейцами комиссар, участвующий в расстреле царской семьи. Вот я и звоню с открытой душой, чтобы предъявить лично Вам эту злополучную штуку. Хотелось услышать авторитетное мнение – действительно ли трофей принадлежал царской особе и, главное, как поступить с ним сегодня по совести?

– Ты, Василий, оставайся минутку-другую на связи, не выключай телефон, мне необходимо в срочном порядке сделать кое-какие распоряжения, – довольно неожиданно, без должной реакции на более чем сенсационную просьбу комдива, объявил Создатель.

А в трубке между тем запел по нарастающей грудным задушевым басом Фёдор Шаляпин, затянул покорившую весь белый свет «Дубинушку». Грустный, былинный её лад чудесным образом погружал слушателя в залежи прошлого, в таинственные истоки великой мистерии «Матушка-Русь», задумчиво воспевал её небесное покровительство и заступничество.

Оставшись наедине, Чапай принялся сокрушаться, что по собственной дурусти вляпался в это, как теперь представлялось, отнюдь не развлекательное приключение. Не следовало, конечно, затевать бестолковое разбирательство Петькиных подвигов и тем более не следовало беспокоить Всевышнего. В конце концов, эта бодяга с царским колечком касается одного только ординарца, ему самому и расхлёбывать. Своих забот, не терпящих безотлагательных действий, готов хоть кому одолжить, а вынужден чужие прелести на виражах заворачивать. Вот уж воистину чёрт-те чем приходится заниматься.

Между тем Всевышний не замедлил – не прошло и полминуты, как в трубке послышался Его мягкий, баритоновый речитатив:

– Когда бы ты, Василий, только и делал, что гонялся по фронтам революции за чужими сокровищами, мы бы с тобой, уж поверь, не созванивались. Для таких лиходеев другие, специальные службы имеются. Поразмышляй на досуге и постарайся понять Меня правильно. Ты знаешь, вот эти две жабы, потревоженные недавно тобой, бывают счастливее многих богатых людей, и только потому, что им ничего не известно про ваши смехотворные ценности. И пожалуйста, перестань трепаться. Ухлопали ни в чём не повинную девушку и теперь начинаете из её личных вещей раздувать богатства несметные. Такое колечко порядочному человеку и в руки брать стыдно должно быть. Ничего, кроме сожаления, в Моём разумении, эта история не вызывает. Я, тем не менее, только что сделал кое-какие запросы, обожди самую малость и узнаешь Моё окончательное ко всему отношение.

Создатель опять растворился в эфире, а Василий Иванович нутром почувал, что ничем хорошим этот балаган не закончится. Принятое решение окажется каким-нибудь особенно каверзным, несущим неизбежную расплату за содеянную красными соколами оплошность. Ждать пришлось довольно долго, но вот в трубке опять послышался знакомый, почти уже родной баритоновый речитатив:

– Наверное, тебя это несколько удивит, драгоценный дружище, но коль скоро горишь благородным желанием досконально разобраться с уникальным золотым перстеньком, а заодно, полагаю, и с вашей любимой мировой революцией, с радостью спешу на подмогу. В связи с этим обязуюсь организовать тебе тёплую встречу с самим императором Николаем Романовым. Очень рассчитываю, что по русским обычаям встретитесь с распростёртыми объятиями, посидите мирно за чаркой, душу друг дружке откроете. Заодно настоящую цену дамскому украшению сложишь, надеюсь, что и распорядишься колечком по совести.

После этого, более чем неожиданного, предложения Василий Иванович не на шутку разволновался – не только спина, но и пятки взопрели. Перспектива подобного рандеву, даже при сквозном черепном ранении, едва ли могла прийти Чапаеву в голову: «Неужели Всевышний настолько озверел, что принял подлое решение отправить геройского командира в расход, устроить ему свидание с Николаем Вторым на том свете. Не напрасно чуяло сердце, что дело одним только приставленным к стенке комиссаром не ограничится. Откровенно признаться, не ожидал подобной засады от небесного, как вроде бы казалось, заступника».

Из последних усилий, сохраняя подобающее Георгиевскому кавалеру спокойствие, комдив помаленьку начал включать задний ход:

– Хочу заявить, Отче наш, что мне и в родной дивизии вовсе не надоело. Я за чужими спинами от смерти никогда не таился, готов нести перед Вами любую ответственность, но осталось много всяких дел неоконченных. С беляками следует до конца поквитаться, недостаток надёжный для личного состава обеспечить, о чём не раз обещал бойцам перед строем. Задумано много чего, разве все перечтёшь. Детишек неплохо бы ещё в дом навести, вырастить, на ноги поставить и больно внуков дожидаться мне хочется. Может, пусть пока обождёт, пускай не торопится убиенный Ваш царь Николай. Время придёт, обязательно свидимся, а с перстеньком и без него разберусь, оно мне не больно и надо-то, всё одно что лошади зеркало.

В телефонной трубке отчётливо слышалось, что у Создателя работает параллельная мобильная связь. Складывалось впечатление, будто Он разговаривает ещё с другим абонентом, по какому-то специальному каналу. Разборчиво прозвучало, как небесный Отец сделал строгие распоряжения, перевёл дыхание и не допускающим возражения тоном объявил красному командиру Свой верховный вердикт:

– Имей в виду, что царь Николай никакой не наш, но только и исключительно ваш венценосный государь, не следует беспечно швыряться своими кумирами. И в расход, хорошенько запомни, мы никогда никого не пускаем. Вы с подобными нежностями и без нас успешно справляетесь, кого угодно этой страсти обучите. И вот тебе Моё твердое решение – встречу организую сегодня же, без всяких ненужных отсрочек. Вечером, как только начнёт смеркаться, к вам в Разлив обыкновенным манером прибудет на ужин великий князь Николай Второй, из дома Романовых. Вы уж примите его со всей подобающей щедростью, проявите любовь и радушие. Как знать, быть может, и он когда-нибудь отблагодарит тебя своим тёплым участием. А чтобы дружеская встреча удалась с полным блеском, пришлю за компанию с ним отчаянного народолюбца, студента Ульянова Сашу. Того самого, что пакетик взрывной мастерил для метания в царя Александра Освободителя, то есть в драгоценного батюшку последнего императора. Им давненько пора бы уж повстречаться, объясниться друг с дружкой, обменяться взаимным прощением. Нескучным, полагаю, сложится нынешний вечер в Разливе. Рассчитываю, что, по вашим правилам, ещё и магарыч выставишь Мне за такое редчайшее удовольствие.

Ещё больше разволновался Василий Иванович, ещё жарче взопрела спина, как сабля в ножнах забряцала зубы. Проще было вообразить себя порубанным шашкой в бою, нежели представить эту дикую встречу с чёрт-те как воскресшими персонажами. Каким фасоном, с какими почестями следует принимать да ещё и беседовать с убиенным царем плюс с удавленным братом вождя мирового пролетариата, комдив не понимал, просто упирался башкой, словно в задницу сивого мерина.

Познакомиться с Александром Ульяновым перспектива, некоторым образом, заманчивая, ведь это же родная кровинушка товарища Ленина. Но тогда злополучный ужин принимает откровенно политическое оформление и не может, просто не имеет права состояться без партийных приветствий товарища Фурманова. В противном случае, всё будет выглядеть как прямое посягательство на его непосредственные комиссарские полномочия. И опять упираешься в задницу – ведь ни под каким видом нельзя посвящать комиссара в свои тайные связи с Создателем. Стуканет громче дятла, засранец, в штабе армии, контрразведка мигом подключится, сплетни потянутся, вся жизнь пойдет под откос.

– Не переживай, Василий, с такими гостями не бывает много хлопот, – подоспел на подмогу Создатель. – Это всё господа образованные, при хороших манерах, они сами придумают, как и о чём говорить, празднословить не станут и покинут вас в самый подходящий момент. Между прочим, Я и не подозревал, что в связях с Создателем есть что-то постыдное, требующее особой секретности. Если не со Мной, то с кем же тогда можно дружить и общаться с открытой душой? Неужели твои комиссары вернее, надежнее Того, Кто сотворил целый мир и снисходительно наблюдает все ваши шалости? Как всегда, обижаешь Меня, Василий. Впрочем, не привыкать, Я не в претензиях, люди редко умеют платить благодарностью. Сын Мой частенько вспоминает про вас, иногда и с любовью. Плохо ведь не то, что безвинно распяли Христа на Голгофском ристалище, плохо, что славу Его продолжаете пинать и доньне. Однако прощаться пора, как всегда масса дел неотложных. Не скучай без Меня, не робей, нет-нет да и позванивай.

Никогда ещё беседа с Всевышним не оканчивалась для комдива так безнадежно недосказано, с таким набором безответных вопросов. Что это за идиотская затея такая – душевно отужинать с давно убиенными персонажами? Здесь или проверка на пролетарскую прочность, или простое глумление, скорее всего, по причине тупой безнаказанности. В любом случае, затеянный Создателем вечерний шабаш с благополучно отошедшими в мир иной фигурантами никак не вписывался в принятые нормы уважительных товарищеских отношений.

Оставшись один на один с весёлой перспективой провести сумасбродный вечер в окружении воскресшего царя и ожившего бомбометателя, Василий Иванович порядком взгрустнул. Тоже ведь какая-то несусветная дикость, кому нужны эти дурацкие встречи, когда события давно уже позади и всё одно ничего изменить невозможно. Между тем отступать было некуда. Создатель своих решений никогда не меняет и в этой части надеяться на чудо не приходится. Гости обязательно явятся, и что в результате должно получиться, Чапаев, при всей своей многоопытности, не понимал, не мог свести воедино. Всё вместе не добавляло ни задора, ни оптимизма.

«Дёрнул же меня чёрт связаться в эту идиотскую канитель с Петькиным трофейным кольцом, – опять огорчённо принялся сокрушаться комдив, – уж лучше бы я не прикасался к нему и ничего не знал о его царственном происхождении. И опять эта сволочь, Кашкет, с него начались неприятности, отправлю скотину в окопы, глядишь, под пулями хоть немного ума наберётся. Не сообщи он про подвиги ординарца, не было бы никаких содранных с убиенной царевны перстней и дурацкой встречи с давно отошедшими в мир иной господами тоже ведь не предстояло бы».

Чапай с раздражением посмотрел на мизинец и, к великому удивлению своему, кольца на пальце не обнаружил. Василий Иванович даже замотал головой, как свирепеющий бык или как будто одолел полкружки матёрого самогона. Он жутковато огляделся кругом, перешарил глазами песок вблизи ольховой коряги, но и там не обнаружил пропажи. Хотя голову мог дать на отсечение, что буквально секунду назад перстенёк блистал на его мизинце.

«Этого мне только недоставало», – справедливым негодованием начал заводиться комдив. Звериное чутьё безошибочно определило, чьим неусыпным радением состряпано это паскудное дело. Ко всем предстоящим вечером напастям не хватало ещё и скандала с ближай-

шим помощником. Он тут же решительно полез в карман галифе за мобильником. И надо же такому случиться, телефон на опережение, как бы в насмешку, нагло заиграл ненавистный уже «Интернационал».

– У аппарата, весь во внимании, Отче наш, – как ни в чём не бывало бойко оттрапортовал Чапай и насторожился в ожидании очередного подвоха. По такому раскладу смешно было рассчитывать на что-нибудь благополучное. Однако, на всякий случай, стал краем глаза наблюдать за мизинцем, со слабой надеждой, что сейчас, каким-нибудь незаметным манером, злополучный трофей возвратится на законное место.

– Про кольцо, Василий, забудь, – безо всяких предисловий, словно сабельным махом отрезал звонивший. – Ты же сам пожелал разобраться по совести. Рассуди, положи руку на сердце, ведь это единственное, что у них от земной жизни осталось. Нельзя отбирать у людей последнюю память, у вас даже последний табачок принимать не положено. К тому же, как ты сам понимаешь, всякое преступление неотвратимо влечёт за собой череду неизбежных расплат. Правильно будет ограничиться недавно поставленным к стенке комиссаром, для чего пополнять этот скорбный ряд. Так что призываю тебя к милосердию, и тогда ты узнаешь, что иногда потерянная вещь бывает дороже самого вожеленного приобретения. Постарайся не злоститься и не сердчать на Меня.

На этом Создатель категорически вырубил мобильную связь.

Василий Иванович без привычного энтузиазма ретировался с ольховой коряги. Постоял какое-то время в нерешительности на прибрежном песке, искушаемый горячим желанием вышвырнуть в озеро ненавистную телефонную трубку, но совладал с собой и тяжёлым ходом направился к давно уже поджидавшим у командирского шалаша однополчанам. С неохотой взбираясь по береговому откосу, он невольно вспомнил воздушное кружение лёгкости, с которым совсем недавно спускался к озеру. Наверное, тогда уже это был недобрый знак, решил для себя комдив, и ещё сообразил, что жизнь весьма капризная девка и не всякое легко начавшееся дело предполагает удачный исход.

По итогам своего довольно продолжительного отсутствия Чапаю предстояло каким-то щадящим образом преподнести ординарцу правдоподобную версию пропажи свадебного подарка. Если сейчас подойти к столу и выложить правду, что это своевольный Создатель умыкнул царское колечко, сообщение будет выглядеть до неприличия бессовестно. Петька ни за что не поверит и решит, что командир зажил ли дорогу вещь. Эта несправедливость более всего угнетала комдива.

Кроме прочего, ему предстояло сделать необходимые распоряжения по организации сегодняшнего идиотского ужина. Объяснить прибытие экзотических гостей без посвящения в свою тайную связь с Создателем, понятное дело, уже наверняка не получится. Но как преподнести эту пикантную новость без явных признаков скоропостижного умопомешательства, Чапаев не представлял. Поэтому Василий Иванович рассудил отложить все разборки до вечера, с надеждой, что, после самого явления злополучных гостей, многое должно разрешиться само собой.

На подходе к центральному пеньку Чапая приветствовала вертлявая собачонка, которая, радостно подвизгивая, так и норовила чиркнуть хвостом по хромовому гляncy генеральских сапог. Комдив дружелюбно присел на корточки, взял псинку на руки, погладил, легонько потрепал её теплое тельце и от всей души позавидовал собачей безмятежности. В связи с чем вспомнил справедливое замечание Создателя, что иная болотная жаба бывает счастливее многих, отчаянно озабоченных своею персоной, людей.

Присев на скамью к ожидавшим в нетерпении сослуживцам, он пустил собачонку на волю и нарочито беспечно заявил, что с царским кольцом всё в порядке, оно, по его разумению, действительно принадлежало венценосной дочурке, но есть ещё один деликатный момент, о котором Петька узнает лишь вечером.

Надо заметить, что намёк на какой-то деликатный момент не оказался для ординарца полным сюрпризом. Одно только необъяснимо долгое отсутствие командира вызывало справедливые подозрения, не говоря уже о всём услышанном далее.

– Сегодня вечером к нам в Разлив пожалуют на ужин необыкновенные гости, – многозначительно объявил Василий Иванович. – Наберитесь терпения, люди придут очень почтенные и очень издалека, они помогут досконально разобраться с Петькиным драгоценным трофеем и, похоже, что ещё многое с чем. Судя по всему, вечер обещает сложиться не скучным, предвижу заранее, он доставит немало приятных волнений и, похоже, неизгладимую память на будущее. В связи с этим принимайте к немедленному исполнению мой командирский наказ. Денщику поручаю подготовить полную комплектацию для варки рыбацкой, по высшему классу, ухи, такой, что у казаков исстари «царской» зовётся, и побеспокоиться насчёт доброго первача. Только не такого, каким угощались на прошлой недели, после чего у меня двое суток башку отворачивало. Если командира подобной гадостью потчуют, представляю, каково рядовым красноармейцам приходится.

– Удивительное дело, мне вообще показалось, что нам ненароком казёнку из смирновских запасов подсунули, – мгновенно отреагировал на синем глазу прощелыга Кашкет. – Может, раки попались не очень съедобные, меня ведь тоже немного подташнивало.

– А ты, Петро Елисеевич, – не обращая внимания на дичайшую ложь денщика, продолжил отдавать поручения комдив, – уж будь добр, приведи себя в надлежащий порядок, больно вид у тебя последнее время какой-то совсем затрапезный. Ты кто таков есть? Ты есть боец Красной Армии, к тому же личный мой ординарец, прямо скажем, образцовый пример для всей пролетарской дивизии. Сходил бы на озеро, что ли, побрился, помылся как следует, на нюх не переносу от бойца кобылячьего запаха. Пора, знаешь, становиться благороднее, что ли, мы же за чистую, светлую жизнь сражаемся в огне революции.

«Интересная канитель получается, – подумал про себя ординарец, – у командира совсем чердак прохудился. Сколько мы этих благородных за штабом к стенке поставили, а теперь самим благородными сделаться сдуру советует, чтобы и нас следом, под стенкой, как кур перехлопали. Если так дальше дело покатит, наши с Чапаем дорожки и впрямь разойдутся».

– Так ведь были же в России господа благородные, Василий Иванович, – напомнил для ясности отнюдь не смутившийся ординарец и небрежно извлёк из кармана галифе такой же, как и у Чапая, расшитый бисером кисет. – Много было, выходит зря мы усердствовали, может, следовало оставить горстку знатных персон для приплоду? Хороший хозяин всегда оставит пару добрых гусей на развод.

– Ты поболтай у меня, башка бестолковая, – не замедлил осадить пустобрёха Чапай, – благородные разные бывают. Мы из пролетарской и крестьянской бедноты таких защитников революции вырастим, что царским гвардиям и не мечталось. Белые офицеришки к нашим новым лихим командирам и в денщики не сгодятся. Разве что Кашкету в подручные, самовары топить или сапоги гуталином надраивать, – легонечко юморнул, похлопывая по плечу денщика, Василий Иванович.

Петька мастерски соорудил из газетной осьмушки заготовку под «козью ногу». Не торопясь заправил её отборным сухим табаком, придирчиво осмотрел со всех сторон, провёл, где требовалось, влажным языком и чиркнул для запала своими же спичками. С наслаждением задымил, прищурил глаз и философски заметил:

– Трудновато будет из пролетарской бедноты благородных бойцов для мировой революции вырастить. Это же каждому дуралею суконные портки подавай, рысаков дорогих да золотые сабли с эполетами выложи. Потом французскому языку обучи, обучи красиво из хрустальных бокалов шампанское пить да с бабами по-кавалерски обходиться. Денег на всё это уйма пойдёт, заморишься даже считать сколько. В нашем полку, при старом режиме, поручик благородный служил, так у него один только золотой портсигар дюжину тельных бурёнок стоил.

Представляете, если в нашей дивизии за каждым красноармейцем по дюжине рогатой скотины в атаку подымится, перед таким македонским нашествием любой противник дрогнет, без боя лапы вверх задерёт.

Василий Иванович даже не предполагал в своем фаворите таких виртуозных полётов разгулявшейся фантазии. Наверное, не только Кашкету, но и вертлявой собачонке ненароком подумалось, что это от крепкого самосада мозги ординарцу заклинило. Комдиву же ничего не оставалось, как только хмыкнуть себе в порыжевшие от табачного дыма усы, почесать за каракулевой папашой затылок и выдать ординарцу строгий наказ:

– Балаган прекратить, нечего здесь дурачком представляться, немедленно отправляйся в расположение выполнять боевое задание. Найдёшь в пулемётной роте кашевара Арсения, закажешь от моего имени добрых харчей для вечернего сабантуя. Обязательно раздобудь зернистой икорки и балычка осетрового, впрочем, тебя ли учить, не впервой застолье справляем. А вечером, при полном параде, пожалуйста вместе с Анкой в Разлив. Высокое благородие, которое нынче заявится, без прислуги жрать не приучено. Пушай пулемётчица подсобит у стола, выпишет гладкой задницей перед знатной публикой уральские кружева. Разговоры закончены, всем приступить к исполнению.

Петька с готовностью вихрем поднялся из-за стола, сделал под козырек и строевым шагом поспешил к коновязи исполнять командирский наказ. В одно касание метнул своё крепкое тело на жующего сочную зелень коня, дал ему шпору, и тот, сплюнув зелёную пену, на рысях помчал седока.

Между тем отсутствие золотого перстенька и сомнительные намёки на каких-то необычайных гостей не очень грели ординарцу мятежную душу. Подозревать комдива в крохоборстве до сегодняшнего дня не было серьёзных причин, но ведь люди меняются, разные наступают на дворе времена. Тем более что последний месяц с Чапаем творится что-то явно неладное. Часто бывает задумчив, зачем-то уединяется и всё больше с ехидством улыбается, как будто знает и таит в себе что-то. В любом случае, если зажилит колечко, ни за что не спущу, обязательно поквитаюсь. То ли коня, то ли шашку упру среди ночи. Я ему не Кашкет, не привык в дураках оставаться.

Вот в таком боевом настроении чапаевский любимец проследовал в расположение родной дивизии.

Глава третья

Любознательному читателю, дабы проникнуться героикой тех знаменательных лет, полагается быть в курсе дела, что легендарная Чапаевская дивизия представляла собой не совсем обычное армейское формирование. Дивизия, разумеется, была ударной передовой группировкой и принимала активнейшее участие во всех фронтовых баталиях, но она ещё была и особого рода учебно-тренировочной базой, на которой верховное командование отрабатывало самые смелые задумки пытливого стратегической мысли. Попросту говоря, не в абы какой воинской части выпала удача нести почётную службу Петьке Чаплыгину.

В штабе дивизии ни на минуту не затихал широкий поиск свежих идей, отвечающих задачам торжества мировой революции. Любой штабной писарь пребывал в постоянной готовности выдавать на гора фантастические проекты, в сравнении с которыми все старые военные доктрины отступали на задний план. Самое пристальное внимание отводилось созданию и освоению новейших образцов современного оружия с небывалой поражающей мощностью.

Чего стоила одна только грандиозная программа, развёрнутая на базе второй экспериментальной конюшни, под руководством известнейшего селекционера-новатора Розенблода Моисея Христофоровича. Исследователи, что называется, со дня на день ожидали появления на свет уникального потомства из-под кауры красавицы Насти, которое должно было положить начало элитной породе длиннотуловищных боевых рысаков с багряными хвостами и гривами. На хребтинах этих знатных чудо-коней свободно сможет размещаться от четырёх до семи хорошо вооружённых красных бойцов. Предполагалось на крупах несокрушимых богатырей закреплять по станковому пулемёту, в результате чего практически возникал безрельсовый бронепоезд, способный в глубоких тылах сокрушить и деморализовать любого противника. Уже композиторы написали, а духовые оркестры на память разучили специальный марш победителей для приветствия ожеребившейся Насти и серьёзно ставился вопрос о сооружении героине при жизни бронзового изваяния.

Параллельно разрабатывалось сразу две модификации ударных комплексов, для дневного и ночного ведения боевых действий, с применением никелированных автомобильных фар. Некоторые сожаления вызывало досадное обстоятельство, что фар пока ещё импортного производства, завезённых с империалистических фабрик до неприличия прогнившего Запада. Хотя для критических ситуаций, во время буржуйских экономических блокад, не исключалась возможность использования доморощенных керосиновых фонарей.

Моисей Христофорович бесконечно гордился своим уникальным победоносным детищем и повергал в смятение даже бывалых корифеев военного искусства. Командование деликатно торопило генерального конструктора, но тот был упрям, как египетский фараон, и непоколебимо стоял на своем, дескать, дайте срок, мы ещё утрем сопли этой белогвардейской сволочи, покажем им, где даже раки не шибко зимуют.

В непрекращающемся академическом поиске, в азарте делового соперничества никто не хотел уступать. Поэтому в четвёртой краснознамённой конюшне немедленно развернули свой научный плацдарм под руководством корифея недремлющей ветеринарной мысли Коценбаума Александра Соломоновича. В обстановке строжайшей секретности, огородив конюшню тремя рядами колючей проволоки, отечественного, без сомнения, производства, там приступили к выведению уникальной ахалтекинской породы недюжинных боевых коней о семи ногах.

Лазутчики из второй экспериментальной конюшни ухитрились под покровом ночи пробраться к тусклому оконцу денника и разглядеть под светом лампы «летучая мышь» всамделишную пятую ногу, откровенно просматривающуюся под брюхом известного всей дивизии буланого производителя Герострата. Справедливости ради надо сказать, что пятая нога пока ещё не была так велика, как остальные четыре, но то, что она уже прорезалась и порой болта-

лась, словно обрубок оглобли, видно было даже невооруженным глазом. Сам Александр Соломонович со дня на день обещался навеститься в ближайшую кузню, чтобы там заказать триумфальную подкову на пятое копыто. Одним словом, прогрессивная жизнь в дивизии кипела, как лапша в казанах полковых кухонь.

Для совершенствования командного и рядового состава привлекался и использовался весь положительный опыт, накопленный человечеством непосредственно от времён динозавров до залпа “Авроры” включительно. В связи с этим не оказался обделённым должным вниманием исторический опыт церковного домостроительства. Известно, что в монастырях, во время принятия пострига, послушники нарекаются новыми именами для вступления в обновлённую, непорочную жизнь. Этим актом принявшие постриг послушники как бы отмежёвываются от греховного прошлого и устремляются на поиски небесной благодати практически в непорочном состоянии.

Неутомимые борцы за пролетарское дело не просто подхватили эту красивую духовную традицию, но возвели её на высшую ступень совершенства. Многие революционеры принялись энергично отказываться от наследственных родительских фамилий и присваивать себе новые прогрессивные имена. Не один только Лев Давыдович Бронштейн в одночасье сделался Троцким, но уже половина дантистов дивизии гордо величали себя непоколебимыми Сидоровыми. Некоторые, особенно продвинутые в смекалке революционеры, даже наловчились освоить обратный обряд пришивания.

Не ведающий устали, Александр Соломонович и здесь проявил небывалую находчивость, ведь некоторым приходилось по несколько раз заменять подгулявшую фамилию и тогда они неоднократно вынуждены были отпарывать крайнюю плоть. Понятное дело, что святыня потихоньку истончалась, не выдерживала бесконечных перелицовок. Поэтому неутомимый новатор блестяще разработал и сконструировал почти незаметную швейную молнию для очередного преобразования.

Захотел, например, Александр Соломонович сделаться Кудияровым, шморгнул замочком – получи деревня трактор. Захотел снова объявить себя Коценбаумом, шморгнул в другую сторону замочком – опять красота, только бы руки не заморились. Удобно чрезвычайно, никаких лишних хлопот, и главное – всегда находишься на самом стрежне идеологических стихий. Памятник за эту незаурядную находчивость на родине новатора ставить пока ещё не намерелись, но перспектива присвоения почётного звания «Дважды сюрприз мировой революции» активно обсуждалась на закрытых партийных конференциях.

Не всеми бойцами и не сразу с энтузиазмом воспринимались и поддерживались смелые прогрессивные начинания. Кое-кто старался продолжать жить по старинке, трусливо открещиваясь от учения классиков марксизма. Специально для проведения в широких массах разъяснительных работ из центра в дивизию был прислан полномочный нарочный, с бьющим без промаха маузером и большой чернильной печатью, хранящейся для надёжности в пристёгнутой деревянной кобуре. Это был очень крупный специалист по налаживанию и обустройству человеческого счастья в широкой прослойке рядового состава и вообще по организации строевого режима в отдельно взятой дивизии.

С первых дней своего пребывания в должности Дмитрий Андреевич Фурманов решительно и рьяно принялся за проведение глубоких экономических перемен. Потому что любая революция – это, прежде всего, коренная реформация общественных и экономических отношений. В полном соответствии с революционным пылом нестигаемого борца за правое дело, комиссар составил и приступил к реализации генерального плана прогрессивных реформ. План этот, в самом общем виде, сводился к затейливым конфигурациям на предмет того, что у кого следует отобрать, кого облагодетельствовать, кому пообещать пронзительно светлое будущее, а кому предоставить будущее незамедлительно, за сараем, у краснокирпичной стеночки.

Грандиозные преобразования начались с того, что для бурного процветания дивизии решено было в кратчайшие сроки разбудить творческую инициативу в недрах рядового состава, так сказать, подтолкнуть позитивные перемены снизу. Толкание снизу называлось многозначительно – НЭП (новая экономическая политика). Бойцам в связи с этим рекомендовалось создавать единоличные и кооперативные предприятия по перелицовке хомутов и сёдел, желательным с одновременным пошивом уздечек и ремённых вожжей. Смело предлагалось не замыкаться в малом бизнесе, а организовывать средние и очень крупные производственные мощности по изготовлению новейших образцов конской сбруи, по возможности с блестящими заклёпками, с кистями и бубенцами по всему ассортименту шорных изделий. При этом снижались любые ограничения роста, позволялось расширяться до гигантских концернов и комплексных трестов вплоть до закрытых акционерных сообществ под грифом «совершенно секретно».

Люди, подхваченные ветром экономических перемен, в едином порыве освоили доходные сбруйные ремёсла и за короткий срок настроили горы пахнувшей свежей сырмятиной конской экипировки. Воодушевлённые бойцы с утра до ночи, в полном составе со своими многодетными семьями, сидели рядком под конюшнями на камушках, высматривая голодными глазами залётного покупателя.

На первых порах особенно шустрые красноармейские жёнки на всякий случай слегка подворовывали друг у дружки сбруйный товар. Но когда окончательно убедились, что никто в дивизии покупкой конского снаряжения не озабочен, махнули рукой и дружно потянулись пёстрой толпой на объездную дорогу в поисках лёгкого заработка. Но и там, за отсутствием модельных кондиций и должной квалификации, фортуна показала язык мало востребованным краснокосыночным путанам, практически как на знаменитом портрете красавца Эйнштейна.

Вездесущий Фурманов, словно баба-яга в ступе, метался по дивизии, бил себя по орденам и убеждал стариков, сопливых детишек и несостоявшихся жриц любовных утех, что осталось потерпеть самую малость и реформы возьмут своё, щедро отворят рога изобилия. В целях наглядной агитации, Дмитрий Андреевич возил с собой на тачанке огромный бивень мамонта в качестве того самого рога изобилия, сработанный по заказу местным краснодеревцем из коряги липового дерева. Наглядное пособие действовало безотказно успокоительно. Каждый примерял на себя, как долго сможет жить припеваючи в компании с таким исполинским кладезем дармового пропитания.

Разумеется, и отважные корифеи трудовых будней, Моисей Христофорович с Александром Соломоновичем, не щёлкали почём зря ушами. Они, посоветавшись между собой, тихо-нехко приватизировали напополам все четыре дивизионные конюшни и положили называть их пролетарским научно-производственным комплексом. Здесь каждый сознательный боец, независимо от вероисповедания и партийной принадлежности, мог спокойно за умеренную плату получить перед боем в аренду приглянувшегося рысака. Специально для удовольствия красноармейцев был разработан душевный ритуал передачи во временное пользование боевого коня под гитарный перезвон и мужественно-слезоточивое пение жеребьячьего доктора Коценбаума. Ритуал был настолько сердечным и трогательным, что некоторые, не в меру сентиментальные, лошади, не совладав с собой, падали со всех четырёх копыт от переживания в обморок.

Вырученные от научно-производственной деятельности деньги, все до единой копейки, целевым образом направлялись на развитие фундаментальной теоретической базы революционного предприятия, для успешного завершения новаторских изыскательных работ. С этой же целью неутомимые энтузиасты, не щадя ни здоровья, ни сил, без усталости посещали заморские страны, участвовали в международных аукционах лошадей и показательных выставках. Выступали с научными докладами на ветеринарных коллоквиумах, – одним словом, делали всё возможное, чтобы качество поголовья их пролетарского комплекса ни в чём не уступало лучшим мировым стандартам.

Сам Дмитрий Андреевич, как непосредственный разработчик и вдохновитель небывалых экономических реформ, в бурном потоке деловых инициатив и новаций незаметно соорудил закрытое акционерное общество с застенчивым наименованием «Промнавоз». Так себе, ничем особенно не выделяющееся компактное предприятие по изготовлению и реализации печного топлива.

Работа на производстве была организована следующим незамысловатым образом. Регулярно из всех полковых конюшен, а также общественных и частных скотных дворов, по утверждённому партийным активом плану, дежурившими бойцами свозился на центральную усадьбу свежий, ароматно дымящийся навоз и складировался в гигантскую дубовую бочку. В ёмкости всё это счастье заливалось чистой родниковой водой и при помощи специальных удобных лопат тщательно вымешивалось работниками до состояния необходимой технологической кондиции. Пару часов подготовленная горючая смесь выдерживалась по рецептам старинных шампанских вин, и затем, по стальным трубам, проложенным глубоко под землей, готовое печное топливо прокачивалось мощными турбонасосами в соседние дивизии, где неизменно пользовалось коммерческим спросом.

Иные чапаевцы, по простоте душевной, наивно полагали, что, кроме основных держателей промнавозовских акций, имена которых вспоминать и произносить вслух считалось очень дурным тоном, частью дивидендов смогут воспользоваться и рядовые красноармейцы, особенно из тех, кто круглыми сутками ворочал деревянными лопатами в дубовой бочке. Однако доходы каким-то фантастическим образом прокачивались вместе с предметом торговли по тем же подземным трубам в соседние формирования и оседали на безымянных казначейских счетах. Комиссар только беспомощно разводил руками и клятвенно обещал на партийном собрании возвести стометровую каланчу, чтобы смотрящие дозорные тщательно отслеживали каждую пролетарскую копейку, не упуская из виду ни одного окропленного трудовым потом революционного рубля.

Последнее время хранящиеся в строгой секретности сведения о наличии промнавозовской кассы не от праздного любопытства тревожили Петьку Чаплыгина. Впереди предстояли немалые свадебные расходы, и он, как законный держатель акций, с надеждой рассчитывал на справедливое денежное пособие. Женитьбу отгулять мечталось такую, чтобы капелевцы остервенели от зависти и даже подумали, что это личный состав радостно салютует скорый приход зари коммунизма.

Надо иметь в виду, что чапаевский фаворит пользовался у однополчан особым почётом и уважением. Его любили за лёгкий нрав, за безупречное мужество и, конечно, за тесную близость к легендарному комдиву. Многие красноармейцы свои личные просьбы адресовали Василию Ивановичу непосредственно через ординарца, и, как правило, Петьке удавалось добиваться положительного их разрешения.

При всём том личные отношения между чапаевским любимцем и забранным в кожаную тужурку комиссаром не складывались фатальным образом. Их обоюдная неприязнь возникла немедленно, сразу же после первого знакомства, что, вообще говоря, было вполне объяснимо. Слишком прямолинейно и нахраписто вёл себя ординарец при крайне трепетной формации большевистской природы товарища Фурманова. Это был тот самый классический случай, когда «гусь свинье не товарищ».

Дмитрий Андреевич нюхом чуял, что ординарец сомнителен насчёт верности идеалам революции, и потому возмутительна была его причастность к когорте счастливых обладателей промнавозовских акций. Подобное положение, не только с точки зрения идеалов мировой революции, но и по нормам беспартийной гражданской морали, являлось вопиющей несправедливостью.

Однако близость лихого рубаки к легендарному комдиву не позволяла до поры навести в этом шепетильном вопросе надлежащий пролетарский порядок. При любой возможности, по

ходу дележа доходной части промнавозовских выплат, Фурманов всячески урезал Петькину долю, однако денег, которые с лёгкостью отваливались ординарцу, всё одно с лихвой хватало на безбедную жизнь. Комиссар загодя ожидал, что жених припрётся просить денег на объявленную влюблёнными свадьбу, и внутренне наслаждался предстоящей возможностью поиздеваться над хамоватым засранцем, продемонстрировать ему несокрушимую силу ленинских и марксистских идей.

Петька Чаплыгин в чудесном душевном расположении, после выпитой пары кружечек жигулёвского пива, шествовал по центральной улице уездного города Лбищенска, густо увешанной красными стягами и агитационными транспарантами, отчаянно голосящими о надвигающемся коммунистическом изобилии. По всему видно было, что Фурманов понапрасну времени не терял и на мелкие подачки от матушки-природы не рассчитывал. Почти на каждом кривом заборе красовались гигантские плакаты с изображением восходящего солнца над головами подпрыгивающей от счастья детворы и революционным призывом: «Ты лично помог Отечеству с заготовкой стратегического сырья?» или «Каждое ведро стратегического топлива приближает нас к коммунизму».

По улицам революционного Лбищенска бдительно несли караул специальные наряды снайперов, которые шныряли с дробовиками наперевес и ссаживали с катушек залётных дворняг, норовивших, задрав заднюю ногу, бесстыже осквернить священную классику марксизма-ленинизма. Истреблению подвергались не только четвероногие диверсанты; нельзя было забывать и про всяких летающих вредителей, готовых в любую минуту подвергнуть агитационный арсенал внезапным картечным залпам.

Уже на дальних подступах к комиссарской резиденции Петька с любопытством стал отмечать разительные перемены, произошедшие во внешнем оформлении главного фасада большевистской цитадели. Радикальной этой реконструкции предшествовали жаркие, наделавшие много шума политические баталии.

Проблемы начались с того, что сразу же по прибытии в дивизию Дмитрий Андреевич распорядился вывесить на фронтоне парадного крыльца идеологического форпоста внушительных размеров портрет Карла Маркса. Не все красноармейцы сразу признали в бородастом дядьке вождя мирового пролетариата. Кое-кто решил по старинке, что это образ Николая Угодника освящает высокое присутственное место, и на всякий случай украдкой осенял себя крестным знаменем.

Иконописное изображение Николая Чудотворца издавна почиталось на Святой Руси, поэтому справедливо на равных соперничало с портретами пролетарских вождей. Почитание вывешенного Фурмановым замечательного образа дошло до такого восторга, что самые отчаянные богоносцы, под покровом глубокой ночи, забрались на фронтон и обрамили портрет Карла Маркса в старинный церковный киот.

Фурманов, разумеется, не смог равнодушно снести подобное издевательство над гением всего прогрессивного человечества. Комиссар таки принял волевое решение и вывесил на подмогу Карлу Марксу ещё и портрет Фридриха Энгельса. Разместил их аккуратненько рядышком, пришпандорил гвоздями для ковки коней и распорядился забрать пространство вокруг нарядным красным сатином. Много раз отходил на значительное расстояние, придирчиво изучал общую панораму и результатами остался вполне удовлетворён.

Удивительное дело, но по дивизии поползли издевательские слухи, будто покончивший с атеизмом партийный предводитель вывесил на фронтоне крыльца своей резиденции сразу два священных образа – апостола Петра и апостола Павла. Ещё больше объявилось охотников уже не таясь осенять себя крестным знаменем, проходя мимо величественного храма идеологического просвещения. Однако нашлись, как всегда бывает в подобных делах, доброты, которые глухой ночью, под праздник Воздвижения Животворного Креста, обрамили-таки оба портрета в старинные церковные киоты с блестящей шумихой из медной фольги.

Тогда Дмитрий Андреевич, со своей стороны, пошёл на радикальные меры и вывесил на подмогу, посреди Маркса и Энгельса, портрет улыбающегося Владимира Ильича. А чтобы ни у кого и в мыслях не возникло соблазна косить на церковную троицу, комиссар нарочито подобрал знаменитый портрет Ильича в заливчатой кепке.

И только эта роскошная ленинская фурага явила собой апофеоз торжества научного атеизма. В самом деле, нельзя же было предположить, что церковные иерархи вконец побесились и приобщили к лику святых улыбающегося подвижника в шаромыжной кепке. Мужики, которые раньше благоговейно крестились на образ, стали с проклятием плевать в сторону большевистского крыльца. Чем доставляли немало душевных удовольствий непобедимому Фурманову.

Тягомотина с портретами коммунистических вождей, к несчастью, на этом не окончилась. Вот уж воистину, пришла беда – отворяй ворота. Какой-то мерзавец подрисовал среди ночи Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу точно такие же шаромыжные кепки, как у Владимира Ильича. Но самое возмутительное, что с козырьками, смотрящими в разные стороны. Может быть, в самих фурагах и не было ничего оскорбительного, всё-таки ленинский стандарт, но вот то, что козырьки у всех трёх вождей были развёрнуты в противоположные стороны, сразило наповал кожаную тужурку. Трясущийся от гнева комиссар лично вскарабкался по приставной лестнице на фронтон и закрасил цветной плакатной гуашью издевательские головные уборы.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что империалистическая контра не оставит дивизию в покое и будет продолжать идеологические диверсии. Но чтобы ни одна сволочь не имела возможности подобраться к фронтону, комиссар распорядился намотать вокруг портретов вождей побольше колючей проволоки в качестве ажурного декоративного орнамента. Опять несколько раз отходил от крыльца на различные расстояния, придирчиво изучал общую панораму. И был окончательно удовлетворён своей незаурядной находчивостью, потому что публично, фактически на глазах всей дивизии, одержал блестящую викторию в беспощадной идеологической борьбе с врагами мировой революции.

Петька непроизвольно замедлил ход перед крыльцом большевистской цитадели, до самых ушей разинул от удивления рот, обнаружив в просветах колючей проволоки новоявленную троицу. Он, для страховки, даже огляделся по сторонам, чтобы окончательно сориентироваться на местности, ведь чего не бывает с похмелья, можно и маршрут с бодуна перепутать. Но ни выпитое накануне, ни сегодняшняя пара жигулёвского не нарушили маршрутный расчёт ординарца – он стоял в аккурат перед крыльцом фурмановской резиденции.

Проволока на фронтоне была намотана так искусно, что сразу трудно получалось сообразить, кто именно находится за колючкой – коммунистические вожди или смотрящие на них ротозеи, и с какой стороны, собственно говоря, находится настоящая воля. Особенно настораживал молодцеватый образ несравненного Владимира Ильича. Была в его азиатском прищуре надёжная вертухайская хватка, говорящая, что шаг в сторону или прыжок вверх считается вероломной попыткой к побегу, со всеми без промаха вытекающими последствиями. Видавший не слабые виды, отчаянный конник даже немного замешкался у дверей, ноги сами противились заворачивать в эту экзотическую контору. Деваться, однако, было некуда, и ординарец всё-таки переступил порог большевистского святилища.

У комиссара в приёмной, с полуовальным, забранным в тюремную решётку окном, правила бал известная красавица Фуксина Люся, незлобно именуемая среди рядового состава «комиссарской подстилкой». Барышня, с грозным бюстовым оформлением, не самой ранней свежести, торжественно восседала за накрытым кумачовым сатином всамделишным канцелярским столом. Когда бы к общему колориту кабинетного устройства присовокупить беспощадно красные Люсины щёки и губы, может вполне показаться, что посетителям идеологической цитадели какой-то волшебник напяливает солнцезащитные из красных же стёкол очки.

Всё здесь было тотально окрашено цветом алой зари коммунизма, практически без инородных включений.

Петька вальсирующей походкой подкатил к улыбающейся секретарше, изобразил неполный реверанс и вручил из-за спины предусмотрительно заготовленный букетик полевых ромашек и лютиков.

– О любви не говорю, Люсьена, знающие люди вчера мне на ушко шепнули, что о ней всё давно уже сказано, – артистически кривляясь, юморнул ординарец. – У вас здесь всё настолько художественно, такие декоративные узорчики на фронтоне заплетены, что, клянусь Парижской коммуной, расставаться не хочется. Проволочка колючая очень трогательно применена, и главное – отменного качества. Самое время подавать по инстанциям рапорт о переходе к вам на почётную службу. На большие чины не замахиваюсь, но ночным караульным вахту нести счёл бы для себя за солидное продвижение.

И уже без иронии, кивая в сторону плотно затворённых дверей таинственного фурмановского капища, лихой ординарец поинтересовался:

– У себя?

– У себя, – утвердительно ответила Люся, шаловливо прикрывая смазливую мордочку полевыми цветами. И, положив указательный пальчик на сладкие пухлые губки, тихонько добавила: – Но очень занят.

– Знаем, как и чем они себя занимают. Очередное нашествие на зажиточных мужиков разрабатывают, хлебушек промышляют для голодных бойцов. А может, в домино с каким-нибудь придурком режутся, дупель пусто под шалобаны разыгрывают?

– Ну почему вы такой грубиян, дорогой наш Петро Елисеевич? Присядьте, пожалуйста, на свободное место, скрасьте своим присутствием печаль моего одиночества, – игриво ворковала секретарша. – Я непременно о вас доложу, а вы пока сердечно поведайте всеми покинутой женщине, что в большом мире творится и каково оно нести лавры счастливого жениха. Это же представить без слёз ну никак невозможно, какую невосполнимую потерю несёт женская половина личного состава дивизии.

Петька вальяжно, по-домашнему развалился на предназначенном для удобств посетителей стуле и, с нескрываемым удовольствием, протянул свои ладные атлетические ноги, обутые в щегольские хромовые сапоги. Они хотя и были днями экспропрированы с пристреленного белогвардейского офицера, зато имели стальные гравированные шпоры и сделались предметом зависти многих штабных удалцов. Чего только не предлагали ординарцу в обмен за этот знатный, несравненный трофей!

– Ни за что не поверю, что вы безнадёжно одиноки, мадам. Такие шикарные женщины не должны и не могут оказаться в забвении, – рассыпался во взаимных комплиментах Петруха. – И давайте серьёзно. Я понимаю, что у партийных работников существуют недоступные для низшего боевого состава военные тайны, но всё-таки поведайте, с кем так душевно воркует за закрытыми дверями ваш драгоценный патрон? И вот ещё что: почему они так небрежно облицованы обшарпанным дерматином? Специально разработаю в тылах у противника войсковую операцию, раздобуду багряной кожицы, постараюсь, чтобы лучшего, непременно козлиного, происхождения, и лично устраню неполадку.

– Какие могут быть в дивизии секреты от главного разрушителя дамских сердец и какой же вы на самом деле ехидненький, Пётр Елисеевич. А ещё первым кавалером на просторах революции значитеесь, – вторя ординарцу, ответила смышлёная барышня. И уже доверительно, являясь ближайшей подружкой пулемётчицы Анки, по-приятельски сообщила жениху, что к Фурманову третий день кряду навевается благочинный протоиерей Наум, неутомимый постник и непревзойдённый молитвенник.

На то были довольно веские, более чем уважительные причины. Дело в том, что к предстоящей годовщине великого Октября кровь из носа требовалось закрыть две из пяти действу-

ющих в приходах благочинного церковей. Дмитрий Андреевич давненько присмотрел хозяйским оком каменный трёхпрестольный храм в соседней деревне Матвеевке, с точки зрения потребностей производственных мощностей «Промнавоза». Неуклонно нарастающие объемы поставок жидкого топлива испытывали острую нужду в просторном сухом помещении для приёма и складирования стратегических сырьевых ресурсов. К тому же комиссару приятно согревала душу трогательная перспектива хранения деликатного продукта непосредственно под покровительством целителя и великомученика Пантелеймона, в светлую память которого был когда-то освящён центральный престол соборного алтаря.

Незадача приостекала вот по какой причине. В Матвеевке правил службу добрейший свояк благочинного, и отец Наум под всякими предлогами старался переложить попечительное внимание Фурманова на большую, тоже каменную, церковь в селе Ракитном. Там, между прочим, настоятельствовал заклятый недруг и соперник протоиерея, некто celibатник Никодим. Ещё при старом режиме на епархиальных собраниях принципиальный Никодим бесцеремонно обличал Наума в непомерном возлиянии горячительного и всячески препятствовал получению наградного, с эмальями и цветными камнями, креста. Теперь подворачивался удобный повод продемонстрировать супостату священную мудрость: «мне в отмищение – аз воздам».

В прилежно оформленных списках протоиерея Наума, по каллиграфиям которых в самое ближайшее время не в меру ретивое духовенство предполагалось отправить на молитвенную заготовку таёжных дровишек, celibатник Никодим неизменно оказывался под первым номером. В параллельных списках, добросовестно составленных отцом Наумом для предстоящего паломничества избранного духовенства на поиски небесной благодати в ореоле северного сияния, Никодим занимал опять-таки почётное заглавное место.

Но для комиссара этот самый celibатник приходился постоянным партнёром для вечерней игры в подкидного дурака. При этом надо иметь в виду, что Никодим, по собственной инициативе, сдавал карты в обоих случаях, кто бы ни оставался в дураках. Таким образом, налицо обнаруживалась досадная несогласованность заинтересованных сторон. В нерасторжимый гордиев узел завязались вечерняя карточная игра с критическими нуждами «Промнавоза» и своенравными капризами благочинного.

Переговоры растянулись на три долгих дипломатических дня, с бесконечными дебатами и успокоительными возлияниями. Дмитрий Андреевич в состоянии был, разумеется с позиции силы, одним кавалерийским наскоком распотрошить этот гордиев узел, но ему положительно требовалось сохранить дружеские отношения как с celibатником Никодимом, так и с протоиереем Наумом, который регулярно баловал комиссара деревенскими гостинцами. Вот и сегодня, после Люскиного доклада о прибытии чапаевского фаворита, они скоренько доедали принесённую благочинным вареную курицу, солёные грузди, пирожки с потрохами и допивали, что Бог послал, для смирения мятежного духа.

Нельзя сказать, что комиссар излишне обеспокоился визитом хамоватого ординарца, тем не менее деловое застолье пришлось закруглять раньше времени, фактически не придя к деловому согласию. К тому же ещё разок принесённая вареная курица ну никак не могла навредить делу мировой революции.

Спустя четверть часа кабинетное затишье отворилось, и в дверном проёме предстал во всём своём великолепии раскрасневшийся протоиерей Наум с роскошной физиономией, о которой в народе говорят, что она заточена под лопату. Предстал в засаленном, нестиранном ещё с благословенных царских времён подрыснике, с наградным, возлежащим на сытом брюхе, крестом, осеняющим самое великое достояние священства.

Науму самому на мгновение показалось, что он находится посреди царских врат на архиерейском выходе, с готовностью огласить хоть большую, хоть малую ектенью. Со стороны заметно было, что благочинный сделал даже пару произвольных движений правой рукой,

словно во время служебных каждений, но тут же спохватился и с поклоном поприветствовал командирского ординарца.

Петька, без видимых признаков желания подойти под благословение, лениво оторвал своё сиденье от пригретого стула. Как полагается человеку военному, выпрямился в полный рост, преклонил смиренно голову, потом хитро подмигнул благочинному и с нескрываемой иронией посочувствовал:

– Вы всё поститесь, драгоценный наш батюшка, плоть свою, не щадя, истязаете. По всему видно, заживо вознамерились посетить райские кущи. Если понадобится надёжный попутчик, всегда к вашим услугам. Отправимся тёплой компанией, последнее время только и мечтаю, как бы поскорее в раю оказаться. Вам бы сейчас кадило в зубы да хорошего богомаза с набором тонких кистей, уверяю, грандиозный портрет получился бы. По такому случаю готов название подходящее для шедевра предложить. Настоятельно рекомендую: назовите парсуну «Спас в подворотне», осчастливьте дорогих прихожан чудотворным изображением.

У отца Наума, от такой неслыханной наглости, и без того не очень китайские, налитые кровью глаза увеличились до размеров алтарного диска, на котором разделяют под заклание жертвенную просфору. Ему захотелось незамедлительно предать анафеме распоясавшегося богохульника, но, учитывая, что глумление происходит в смутное время и не на церковном амвоне, отец Наум совладал с собой и промолвил сквозь пегую бороду назидательным тоном:

– Нехорошо, очень плохо, уважаемый красноармеец Чаплыгин, что именно в такой вызывающей форме позволяете себе приветствовать православное духовенство. Вам, как полномочному представителю командования, не совсем удобно делать публичные замечания, но и безмолвствовать по поводу вашего издевательского безбожия я, конечно, тоже не стану. Церковь хотя и отделена от государства, но не отделена от народа Божия, и нам небезразлично, в каком состоянии пребывают бессмертные души наших православных мирян. Поэтому священство всегда будет стремиться к совместной работе с командованием, дабы действовать рука об руку на этом ответственном поприще. При доброй воле и взаимном расположении всегда можно находить обоюдное для души утешение.

В заключение отец Наум нервически передёрнул кустистыми бровями и, шепча тресвятие, картинно перекрестился, твёрдо прикладывая к плечам щепоть жирных ещё от курицы пальцев. Но и это не всё, потому что потом покорно уронил глаза долу и, творя молитву, принялся гладить широкой ладонью позолоченный крест вместе с пузом. Сделал он это весьма театрально, практически по-Станиславскому.

Петька хотел было оставить без ответа поповскую абракадабру, но, как истинный воин, не мог позволить себе покинуть поле брани, не сказав последнего слова. Лицо его приняло бескомпромиссное выражение, и он отвязался в крайне неуважительной форме по отношению к человеку, облачённому в священные ризы:

– Не знаю, как кому, но лично мне наслаждаться взаимными утешениями совсем не с руки, многоуважаемый предводитель чёрного, белого или какого у вас там ещё духовенства. Давненько разошлись наши стёжки-дорожки. Закон Божий, должно быть, один на всех, только брюхо у нас по-разному скроено. Вы давненько на Земле, как в раю, обитаете, словно птицы небесные, ни сеять, ни жать не приходится. Вам-то чего в коммунистическое будущее торопиться, вы его для себя давненько под молитвы беззубых старушек состряпали. А нам ещё долго до своего счастья придётся корячиться. Церковь ведь за тысячу лет ни одного бедняка из нужды и холопства не вытащила.

В дверном проёме, за широкой Наумовой спиной, в перепоясанной портупеей кожаной тужурке, показался по-большевистски озабоченный комиссар. Он не стал вмешиваться в каверзные богословские споры, только акцентированно заметил увлечённым бесполезной болтовнёй однополчанам:

– У меня совсем нет свободного времени. Ты, Петька, если ко мне, поторапливайся, служение революции не знает свободных минут. А вы, Люсьена, уж будьте любезны, срочно подготовьте отчётные материалы о последнем выездном собрании партактива. И, как я уже наемдн наказывал, соберите для ознакомления личные дела молодых кандидатов. Здесь надо быть всегда начеку, чтобы замаскированный враг из кулачной прослойки тайком не проник, не затесался в ряды нашей партии.

– Одну минуточку, – заторопился отец Наум, – я всё же хочу объясниться с командирским ординарцем, сделавшимся по собственной воле моим оппонентом. Сейчас многие наловчились бравировать неуважением к духовенству, пренебрежением к православному исповеданию, даже общества безбожников для молодых людей открываются. Не требуется много ума, чтобы растоптать в человеке стремление к Богу, только это всё одно что заставить горемыку без совести полный век коротать. Мы только делаем вид, что не находим следов бессмертия наших истерзанных душ, но эти следы обнаруживаются на каждом шагу. Вот накроет человека какая беда, не к безбожникам в клуб постучится – в церкви защиту станет искать. А если свадьбу с любимой захочет сыграть, без венчания в церкви не согласится. Пусть тайком, пусть без широкой огласки, но захочет духовного благословения, стало быть, поступит по зову души. Всё это не единожды мною проверено, и вы, товарищ Чаплыгин, не считайте себя таким уж героем. Жизнь обязательно когда-то закончится, а с ней прикроются все ваши подвиги; поразмышляйте с собой на досуге, что будет потом и будет ли это потом лично у вас.

Петька враз смекнул, на какую свадьбу намекает хранитель опиума для народа. Рисковую тему потревожил потерявший после сытого возлияния бдительность, осмелевший благочинный. С такими вещами, как Петькина свадьба, шутить никому не дозволено. Ответ последовал незамедлительно, крайне жёсткий:

– Венчаться приехать не обещаю, но вокруг церкви три раза с ветерком прокачу, это дело святое, ещё и из пулемёта пальну. Мы на прошлой неделе рождение сына у моего дружка обмывали, так из гаубицы по церковному куполу в деревне шарахнули. Должен признать, на этот раз устояла церквушка, деды наши кирпичную кладку мостили на совесть. Но ведь ещё пара красных сокольников родится – и как пить дать завалим всю вашу контору. Теперь, если вы уже завершили молитвы, разрешите пройти.

Дождавшись, когда отец Наум, молча посапывая, опустит с дверного порога своё тучное тело, нахрапистый ординарец проследовал в недра революционного святилища. При этом, не оглядываясь, затворил за собой тяжёлую дверь.

Посреди большой, ещё хранящей запах вареной курицы, комнаты насмерть стоял из красного красного дерева стол, густо заставленный по алой скатерти разнокалиберными бюстами вождей мирового пролетариата. Были здесь и миниатюрный Карл Маркс величиной с божью коровку, и незабвенный Жан-Жак Руссо, вылепленный самим комиссаром из красно-коричневой глины, но больше всех впечатлял рекордный, окрашенный в розовую гуашь Фридрих Энгельс, практически тройного от натуральной величины масштаба. В красном, без традиционной иконы, углу, рядом с разобранным пулемётом, красовался старинный несгораемый шкаф, габаритами под стать гигантскому Энгельсу, в котором хранилась промнавозовская гербовая печать вместе с трудовой общественной кассой. Всё остальное пространство внушительного кабинета было предоставлено революционной символике. Сплошные «Вся власть Советам!» и «Вперёд к победе коммунизма!» на голосащих агитационных плакатах вдохновляли посетителей нескончаемым оптимизмом и верой в светлый завтрашний день. Эффект солнцезащитных, только с ещё более красными стёклами, очков действовал в комиссарском кабинете с нарастающей мощью.

– Ты чего это с попами воюешь? – нарочито весело поприветствовал командирского фаворита с добродушной гримасой товарищ Фурманов. – Давно в боях не бывал, скучаешь по

лихой кавалерийской атаке? Понимаю, хорошо понимаю молодой твой задор, застоялись наши резвые кони.

Петька загодя знал, что разговор предстоит не из лёгких. Чем мягче примется стелить Дмитрий Андреевич, тем ухабистей окажется дорожка к своим законным деньгам. Но не прост, не наивен был ординарец, не с пустыми руками явился к распорядителю промнавозовской кассы. Поэтому ответил комиссару, не роняя ни капли боевого задора:

– Ни с кем не воюю, просто терпеть не могу, когда на сытое брюхо Христом забавляются. Я готов согласиться, что иному человеку нужен и Бог. Но зачем нужен Богу отец Наум, например, никогда не пойму. Хотя это самый главный вопрос для верующего человека. Мало ли кому чего в жизни нужно и хочется, важно понять: для чего нужен Богу ты сам. Вообще моя бабушка всегда говорила, что крест не на пузе, а в душе носить полагается. И ещё говорила, что человек, познавший, для чего он востребован Богом, уже пребывает, ему навсегда уготовано место в раю.

Комиссар удивлённо вскинул по-пороссячьему белобрысые брови. Был он весь какой-то неправильно чистый и бесцветный, как вылинявшая гимнастёрка. Может, от долгого сидения в кабинете, а может, от великих переживаний за пролетарское дело, кожа на лице комиссара и особенно глаза приобрели водянисто-бледный окрас. Даже выпитая с отцом Наумом четвертинка матёрого самогона и вареная домашняя курица не подтолкнули горячую кровь под его прозрачную кожу.

– Вот ты какой, не перестаёшь меня радовать, Пётр Елисеевич. Но позволь поинтересоваться: если так серьезно относишься к Богу, то зачем же по колокольням из пушек палить? Я хотя в этих вопросах и стою на твердых революционных позициях, но, как честный человек, должен признать, что подобная пьяная выходка уличным хулиганством по закону считается.

Разговор неожиданно приобрел вожделенную для Фурманова идеологическую подкладку. А здесь он в любимой стихии как рыба в воде, и потому не без любопытства ожидал Петькиного ответа: «Иди знай, вдруг ляпнет, скотина, какую-то дурь непотребную, сразу же рапорт куда следует настрочу».

– Это чтобы черти в церквах не прижились, – с абсолютной убеждённостью заявил ординарец. – В Бога можно верить или не верить, но нельзя отрицать, что место, где в самом деле обитает Господь, никому не дано осквернить. Если на храме рушится крест, то это говорит лишь о том, что его давно и бесповоротно покинул Христос. И надо ещё хорошо разобраться, кто именно и почему не по нраву пришёлся Спасителю.

Дмитрий Андреевич, озадаченный не слабым по тексту ответом, в глубоком раздумье подошёл к отворённой форточке, раскурил оправленную в дорогое серебро черешневую трубку, и кабинет наполнился густым запахом старорежимного табака, с тонким фруктовым привкусом. Всё-таки славно бывает после сытной трапезы ублажить разомлевшее тело лёгким дурнопьяном благородного курева. В «Капитале», правда, об этом ничего не написано, – видимо, у Маркса на самое главное не хватило чернил.

– Мы, Петька, с тобой столько беляков за правое дело на фронтах революции перешлёпали, что не только Богу, но и чёрту прислуживать мелкозатым занятием скажется, – смачно попыхивая трубкой, с наслажденьем любясь собой в клубах сизого дыма, изрёк комиссар. – Ты знаешь, я последнее время склоняюсь к мысли, что люди охотнее верят не в Бога, а в чёрта. Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь сомневался в существовании нечистой силы. Как ни мудри, но с чертями нам проще, видать, находить понимание. А ты молодец, не ожидал. Тебе бы, по-хорошему, в партийную школу отправиться, неплохой для революции комиссар мог бы со временем получиться. Однако хвались, с чем пожаловал?

Разговор, таким образом, выкатился прямиком на финишную позицию, и ординарец с готовностью перешёл к изложению деловой сути своего визита:

– Вы, Дмитрий Андреевич, не хуже меня осведомлены, с чем пожаловал, не надо делать вид, будто не слышали о заявленной нами свадьбе. У вас же повсюду осведомители с ослиными ушами стоят, заботу отеческую о красных бойцах проявляете, крепко переживаете, чтобы мы сослепу мимо счастья своего не проехали. Между прочим, Аннушка целый вечер лично для вас оформляла свадебное приглашение. Настоящий шедевр приготовила – до чего же ловка в рукоделиях ненаглядная невестушка моя оказалась.

Петька извлёк из верхнего кармана гимнастёрки аккуратно завернутое в наутюженный батистовый платок пригласительное извещение. Театрально поднёс на ладони рукоделие к собственному носу и с наслаждением вдохнул знакомый Анкин запах, волнуяще скупажированный из аромата свежего сена с вызовом дешёвеньких саратовских духов. После чего вручил шедевр со словами: «Обратите внимание, у самого сердца носил».

Фурманов понимающе улыбнулся и принял из Петькиных рук персональное приглашение. Бережно развернул батистовый платочек с вышитыми гладью двумя целующимися голубками и подчёркнуто внимательно прочитал торжественное послание.

В открытке Аннушкиным каллиграфическим почерком сообщалось о дате бракосочетания и предполагаемом удовольствии от присутствия на нём всеми уважаемого комиссара. При всей дамской изысканности свадебного приглашения и способе его вручения, от Дмитрия Андреевича не ускользнула скрытая насмешливость счастливой молодости, дополняемая осознанием собственной безнаказанности чапаевских любимцев.

– Что тут скажешь, молодцы, хороший пример подаёте для молодёжи в дивизии. Надо постоянно смотреть в будущее, каждая новая семья окрыляет революцию надеждой. Для вас же, не щадя своих сил, прокладываем дорогу счастья напрямиком в коммунизм. Вы с Анкой для меня ближе, чем дети родные, готов последним куском поделиться. Желаете, любой бюст вождя выбирай на столе для подарка, только Энгельса не могу от души оторвать. Советую обратить внимание на Плеханова, уверяю тебя, Анка от радости до потолка прыгать на кровати начнёт. А насчёт денег сразу предупреждаю: в промнавозовской кассе нет ни гроша. Сам раскуси, не хуже меня понимаешь, капелевцы дивизию со всех сторон обложили, мы вынуждены новые магистрали для прокачки печного топлива в землю закладывать. Одних только стальных труб за границей на десять тысяч червонным золотом закупили. Уже хотел и сейф из кабинета в приёмную выставить, зря только место в углу занимает, пускай Люська в нём свою губную помаду хранит. Я уже прикидывал, размышлял про вашу долгожданную свадьбу, не знаю, что и делать, как вам помочь. Может, на следующей неделе козу на базаре продам, обязательно поделюсь последней копеечкой.

Петька именно таким и представлял лицемерный ответ комиссара, поэтому на его физиономии не выразилось никаких разочарований. Он с отсутствующим видом подошёл вплотную к бюсту Фридриха Энгельса и начал с нежностью гладить его роскошную бороду. Мельком взглянул на Дмитрия Андреевича и мысленно попытался представить его точно с такой же бородой. Это вызвало абсолютно неуместную для серьёзного разговора смешинку.

– Мы ведь не первый день знаем друг друга, – сказал, давя в себе смех и лишь слегка улыбаясь, жених. – Денежки на свадьбу я и сам как-нибудь раздобуду, только зачем же козу понапрасну губить. А явился я к вам, Дмитрий Андреевич, представьте себе, по личному распоряжению командира дивизии. Он приказал незамедлительно доставить в Разлив сотню целковых для каких-то секретных военных расходов. Не пойму почему, но просил убедительно, чтобы деньги предоставили в ненавистой вам царской монете. Похоже, что для важных стратегических целей понадобились, может, даже заграничный лимузин решил для политотдела к юбилею революции наконец-то купить.

Фурманов так пыхнул черешневой трубкой, что с горелки посыпались бенгальские искры. Он полностью исключал самостоятельность – Петька не отважится по собственной инициативе спекулировать на авторитете Чапая. Значит, это был самый настоящий заговор, ком-

див принял сторону ординарца и решил своей властью обеспечить расходы на свадьбу. Дело принимало откровенно издевательский разворот. Все преимущества оказались на стороне хамоватого жениха, комиссар пока ещё не был настолько силён, чтобы перечить чапаевской воле.

Он молча отворил тяжёлую дверцу крашенного под орех несгораемого шкафа и, загордившись от непрощенных глаз своим большевистским телом, погрузился в его таинственное чрево. Долго что-то там переключал с места на место, мучительно переживая бестолковую трату промнавозовских денег, однако нервно отсчитал десяток царских червонцев.

– Хороший ты парень, Петька, – сказал Дмитрий Андреевич, поворачиваясь к торжествующему победу ординарцу, – только запомни: бывают и лучше. Надеюсь, что всё самое главное у тебя ещё впереди.

Комиссар вынул из ящика письменного стола листок чистой бумаги и плотно завернул в него сложенные столбиком золотые монеты. Слегка подбросил на ладони увесистый тубус и, словно отрывая от сердца, вручил ординарцу. Не молча вручил, но, пристально глядя в глаза, высказал благословение:

– На полную катушку желаю повеселиться, только поберегите подошвы, следите, чтобы обувь не прохудилась.

– Мы всегда начеку, – утешил Фурманова даже не пытающийся скрывать своего восторга ординарец. – Если получится, на свадьбу, пожалуйста, не опаздывайте, не заставляйте нас в такой радостный день волноваться.

Глава четверта

я

Почти над самым обрывом, там, где вольный Урал широкой излучиной отсекает крайние избы города Лбищенска, открытая многим ветрам, расположилась тщательно охраняемая казарма пулемётной роты. Станковые пулемёты, с любовью называемые красноармейцами «максимами», заслуженно считались главной ударной силой мобильной Чапаевской дивизии. Не случайно Василий Иванович лично распорядился занять под пулемётную роту отдельно стоящее помещение, к которому невозможно подобраться скрытым манёвром. С одной стороны – полноводный батюшка Урал, с другой – хорошо просматриваемая улица, а значит, прицельно простреливаемое пространство. Всё вместе делало пулемётную казарму по-настоящему крепким орешком.

Прямо от казармы, с заднего двора, по отлогому спуску были проложены длинные деревянные сходни, которые облегчали бойцам доступ к Уралу. Дневальные курсировали по сходням и черпали из реки чистейшую воду для повседневных житейских нужд. Иногда на реке красноармейцы устраивали шумные купания и затевали мелкие постирушки.

Жизнь и вода – понятия нерасторжимые, учёные давно уже скрупулёзно подсчитали, на сколько процентов человеческое тело состоит из воды. Если к этим процентам добавить толику мелких пороков и глупостей, наполняющих нашу мятежную плоть, можно с лабораторной точностью установить её полный молекулярный расклад.

Внизу, по малой воде, рядом с плоским деревянным помостом был забит капитальный берёзовый кол, на котором крепился шёлковый трос для ловли донными крючьями знатной каспийской белуги, хорошая особь которой спокойно вымахивала до двух и более центнеров. В добрые времена редкий день обходился у Яицких казаков без пареной красной рыбы, редкое застолье накрывалось без свежего посола зернистой икры. А сейчас как будто благородная рыба объявила бойкот очумевшему от братоубийства народу. Неделями снасти порожними полоскались в текущей уральской воде, не подавая сигналов о рыбацкой удаче.

Смотрящим осточертело без толку мотаться по сходням, проверять холостые снасти, даже лошадиный поддужный колокольчик подвесили на шёлковый трос, чтобы не прохлопать улов. Но щедрый в прежние годы Урал не проявлял благосклонности к терпящим голодуху

чапаевцам. Это невозможно ни объяснить, ни понять, однако факт остается фактом – красная рыба словно возревновала к красному же цвету пролетарской революции, категорически отказываясь заплывать на нерест в Урал.

Петька сгорал от нетерпения козырнуть перед обожаемой невестой золотыми червонцами, так геройски добытыми к предстоящей свадьбе у неприступного в своей жадности комиссара. Увесистый тубус тяжёлых монет, приятно оттягивающий карман армейских штанов, сам правил в пулемётную роту, где несла боевую службу пылкая красавица пулемётчица Анка.

Здесь же расчётливый ординарец планировал наведаться в казарменную кухню, чтобы разжиться для важных вечерних гостей осетровым балычком и баночкой свежего посола чёрной зернистой икры. У кашевара Арсения всегда имелся в подпольном леднике неприкасаемый запас всяких вкусностей из красной рыбы. Не только от Василия Ивановича, но и от товарища Фурманова регулярно наведывались посыльные в хорошо оберегаемый ледник пулемётной роты за опасной для желудков рядовых красноармейцев жратвой.

Кашевар, применительно к которому измерения ширина и высота не имели принципиальной разницы, дружелюбно поприветствовал ворвавшегося, словно песня, в кухню, пышущего энергией и восторгом чапаевского фаворита. Для демонстрации подчёркнутого уважения к гостю, Арсений отложил только что побывавший в кипящем котле здоровенный черпак и перво-наперво поинтересовался драгоценным здоровьем комдива. Получив благоприятные отзывы, мечтательно вспомнил про балалайку Кашкета и с готовностью полюбопытствовал, чем может оказаться полезным.

Осведомившись о важных гостях и не менее важных приготовлениях к вечернему ужину, Арсений предложил ординарцу самому спуститься в ледник и на свой глазок подобрать для Чапая гостинцев, мотивируя тем, что своя рука завсегда остаётся владыкой.

Это была традиционная постановка решения вопроса. Кашевар, таким образом, каждый раз демонстрировал своё полное доверие к комсоставу и на всякий случай снимал с себя возможную ответственность за некачественный выбор продуктов. Начальству угождать – непросто наука. По-любому, то ли балык недовяленным, то ли икра пересоленной окажется.

– Ты, Арсений, давай дурака не валяй, – сказал не терпящим возражений тоном ординарец. – Собери чего следует да упакуй хорошенько, а я пока к Анке на часок отлучусь, про любовь поворкуем немножечко. Чем она, кстати, без меня занималась? Что разведка доносит, втихаря к ней никто не захаживал? Рассчитываю на тебя как на верного боевого товарища, шкуру любому спущу – и тому, кто нашкодил, и тому, кто знал да помалкивал. У нашего комиссара есть хорошая присказка: «кто не с нами, тот завсегда против нас» – вот по этому большевистскому правилу и буду, в случае чего, действовать.

– Едва ли кто-нибудь, Пётр Елисеевич, к вашей невестушке подступиться отважится, – выразил законное сомнение на хитром глазу кашевар. – Своя, пусть и бестолковая, голова, она каждому дорога, в этом деле шибко не забалуешь. Аннушка ваша, я так думаю, с бельём на Урале полощется. С самого утра на кухонной печи наволочки да простыни в корыте вываривала. Если не у реки, так с пулемётом своим в оружейном сарае милуется.

С верхних ступенек крутых сходней во всю необъятную ширь открывался напоённый русским духом захватывающий вид на вольную своенравную реку, на зауральские заливные луга, с непересыхающими озёрцами и ериками, обросшими плотным кустарником. Примерно на полпути к горизонту начинался зелёный лес, не сплошной вздыбленной грядой, но равными клочковатыми пятнами, живописно контрастирующими с синевой бездонного неба. И ещё робко торчащие в дальней дымке кресты колоколен, как маячки присутствия человеческой жизни, трогательно дополняли раздольный российский пейзаж.

Выйдя на дощатые сходни, ординарец слился всей широтой своей необъятной души с развернувшейся панорамой и даже ухватился за поручень, чтобы не поддаться настроению и не улететь ненароком в манящую бесконечную даль. Едва осмотревшись, он обнаружил суже-

ную красавицу, которая в мокрой холщовой рубаше, низко наклоняясь над проточной водой, увлечённо полоскала бабье своё барахло.

Крадучись ступая по скрипучему деревянному маршу, Петька всё явственней различал молодые упругие икры и бесстыдно выступающие задние прелести возлюбленной. Волнующая сердечная дрожь, предшествующая лихой кавалерийской атаке, завладела безудержным молодцем. На какое-то время он замедлил кошачий свой ход, потом вдруг сорвался разъярённым вепрем и сшиб захваченную врасплох принцессу в прозрачные воды Урала. Звериным тиском притопил пулемётчицу к самому дну и сильным, неотвратимым напором проник в её вожделенное тёплое тело.

Аннушка видела в воде открытыми перепуганными глазами хищный оскал своего повелителя и только в эту минуту поняла, почему в дивизии, за глаза, называют ординарца «бешеным». Страсть была так велика, чтохватило немногих судорожных рывков, чтобы в обоюдном блаженстве затрепетать от сладостного восторга и медленно, едва живыми, ослабевшими телами, подняться на поверхность. Невеста, жадно хватая плотоядным ртом свежий воздух, накинулась было на жениха с кулаками, но тот по-детски простодушно заморгал голубыми глазами и уже ничего не оставалось, как броситься в сильные объятия и слиться в долгом, чувственном поцелуе.

Выбраться из воды оказалось задачей не менее сложной, чем взятие языка или обезвреживание пулемётного гнезда остервеневшего противника. Потому что на Петькиных галифе не осталось ни единой пришитой пуговицы, ни одной уцелевшей подвязки. Другой, может, и стал бы отсиживаться в спасительной воде дотемна, но только не геройский чапаевский ординарец. Подобрал мокрые штанишки в охапку и, на всякий случай озираясь по сторонам, он поскакал антилопой по сходням в казарму. За ним, неспешно, всамделишной царственной поступью, проследовала счастливая пулемётчица, втайне страстно желая, чтобы кто-нибудь для зависти оказался свидетелем этой оголтелой любви. И даже потом, когда развешивала на бельевой верёвке мокрые мужские портки, нарочито долго возилась с деревянными прищепками, демонстрируя завистникам попранный стыд.

Оказавшись в Анкиной комнате, ординарец сполна реабилитировал себя за досадную невоздержанность, и уже лёжа в горячей постели, молодые в который раз принялись обсуждать свадебные приготовления, уточнять гостевые списки и перечень обязательных к праздничному столу угощений.

Без злорадства, с лёгким юморком сравнили свадебное платье невесты с Люськиным, непременно вызывающе красного цвета, нарядом и поспорили о возможном, но обязательно жлобском подарке товарища Фурманова. На неожиданное предложение пулемётчицы втихаря обвенчаться у благочинного протоиерея Наума, ординарец даже подскочил на панцирной сетке и ответил сквозь зубы решительным «нет». Анка вплотную рассмотрела медальное лицо своего кавалера и сделала единственно верный для себя вывод, что с этим молодцем шутки, по видимому, плохи.

– Эх, Анка, – мечтательно закинув под голову оголённую руку, после непродолжительного молчания заговорил Петька. – Вот перебьём беляков, шашки на гвоздь повесим, жизнь в дивизии наладим, умирать не захочется. Чапай по ночам карту стратегическую составляет, одному только мне и показывает. Тебе под большим секретом скажу: он после войны по всем ротам провода с электричеством протянуть собирается. Говорит, что электричество – это локомотивная тяга для коммунизма. Машин разных за границей накупим, ничего делать своими руками ни бабам, ни мужикам не придётся. Живи и радуйся, только детишек успевай клепать да в хорошем достатке растить и воспитывать.

– Так уж и ничего, – капризно возразила Аннушка. – А стряпать, а со стиркой возиться, а в огороде управляться твоему электричеству тоже прикажете? Мужики всегда так считают,

что бабий труд никакой цены не имеет. Попробовали бы хоть на малое время все заботы по дому на себя возложить, сразу бы по-другому запели.

– Вот баба, ничегошеньки ты не понимаешь, – ласково потрепав любимую за нос, перешёл на покровительственный тон ординарец. – За границей буржуи давно уже умных машин понастроили, таких, что и со стиркой, и в огороде будто по-щучьему велению сами справляются. Знай только подключаай провода и задания всякие для удобства жизни придумывай. А сам тем временем разносолы всякие трескай да про мужа родимого не забывай, больше внимания и ласки сердечной подбрасывай.

Анка призадумалась на минуточку, как бы вспоминая что-то далекое, и, мягко отстраняя припавшего к её налитым молодостью грудям ненасытного ординарца, тихим голосом убеждённо ответила:

– А я люблю зарей на Урале с бельём полоскаться, на душе становится вольно и петь всегда очень хочется. Мне кажется, если ничего не делать, то жизнь, как у хрюшки в сарае, получится. Она ведь тоже всегда только жрёт и глазёнками бльмает, никакой полезной работы не делает. Я, Петенька, сама со всем управляться намерена, можешь даже сказать Чапаю, чтобы к нашей избе электричество проводить не планировал. Хотя нет, пусть проводит, чтобы лампочки в доме повесить, – детям будет светло школьные книжки читать и прилежно уроки в тетрадках записывать.

Петька с тоской посмотрел на залитый солнечным светом подоконник, где вулканической горкой подсыхал извлечённый из шитого кисета намокший табак. Нестерпимо захотелось курнуть, чтобы солидной поумничать перед наивной невестой. Вместо табачной затяжки он насладился запахом обожаемого женского тела и продолжил беседу:

– Это ты так говоришь потому, что сама наукам никаким не обучена. Василий Иванович после войны всех учиться пошлёт, кто упираться сдуру решит, того силой заставит. Он мне почти каждый день говорит: «Учиться, учиться и ещё раз учиться». В будущем жизнь слаще постелится тем, у кого знаний и мудрости всякой побольше, здесь нет никакого сомнения. Умом свою жизнь люди так развернут, что в рай позовут, а многие ещё упираться станут, за комиссарскую куртку цепляться начнут. Глядишь, и тебя Чапай учиться заставит, не век же с пулемётом в окопах торчать. Может, ещё настоящим доктором в белоснежном халате окажешься, детишек станешь лечить или захворавшим красноармейцам уколы с лекарствами ставить.

Анка не без гордости представила себя в глаженном халате, со слуховой трубкой и в позолоченных очках – всё как у взаправдашних губернских врачей. Больше всего она обрадовалась блестящим очкам, верному признаку чего-то необыкновенно серьёзного. А вот по поводу ума и учёбы справедливо заметила:

– Да ведь толком никто и не знает, когда ума больше, а когда и поменьше. Если совести побольше – это сразу видать, а с умом полная неразбериха. Мы вот думаем, что Чапай самый умный, а люди в дивизии голодно живут, значит, что-то неладное делает. Может, Фурманов во всём виноват, худое влияние на комдива оказывает. Мы на первых порах и без партии неплохо с беляками справлялись. Перебили бы всех подчистую и без кожаных курток порядок на свой лад навели. На комиссаров, поди, тоже где-то олухи учатся, не с неба же они к нам в дивизию падают. Ты скажи мне, Петруша, вот родится после свадьбы дитя, если парнем окажется, на кого учиться пошлём, кем мечтаешь вырастить первенца своего?

Петька даже приподнялся на локтях, до того неожиданным оказался Анкин вопрос. Ему будто и в голову не приходило, что после их любовных утех вполне могут появиться настоящие дети. Быстро справившись с неожиданным для себя откровением, он с готовностью выпалил:

– Сын наш будет полководцем великим, как Василий Иванович или как Михайло Кутузов, на другое я ни за что не согласен. Правда, и одноглазый сынишка мне не очень-то люб. А если в кожаной куртке, как Фурманов, родится, так лучше ему у тебя в животе оставаться. Я

тогда его, Анка, всё одно назад затолкаю. – Шутник даже сам закатился от смеха, удивляясь пришедшей в голову весёлой фантазии. Потом успокоился и доверительно продолжил: – Я тут недавно прикинул в уме и покоя лишился: неужели нашего Владимира Ильича или Александра Македонского сделали так же, как меня и тебя? Чапая ещё куда ни шло, но Ленина?

Анка не выразила живого интереса ни к ликованию, ни к бредням жениха относительно великих людей. Глаза её странно расширились, сделались грустно-серьёзными, и она, обращаясь к детским воспоминаниям, проникновенно сказала:

– А я вот мечтаю про сына, чтобы он, как покойный мой дедушка, птицеловом добычливым стал. Дедушка Ваня всю долгую жизнь с певчей птицей не расставался, клетки готов был с утра до ночи мастерить и всё больше на природе ловчие снасти испытывал. Барину под Благовещенье целыми стаями птиц поставлял, для весеннего вылета, да на праздничных ярмарках с шутками весело торговал. Очень часто и меня на зимний промысел брал, вдвоём ведь сподручной шелковистые сетки растягивать. Ты даже представить не можешь, что за радость принести с мороза большую плетёную клетку с добытой птицей. Таким звонким гомоном наполнится горница, таким птичьим счастьем, будто в райском саду оказался. Мы иногда даже начинали щебетать всей семьёй вместе с птицами. Приведи мне судьба родиться на свете мужчиной, только и делала бы, что без устали в полях с ловчей клеткой носилась.

Бывают женщины, к которым нельзя приспособиться, невозможно привыкнуть, потому что они неиссякаемы в своих неисчерпаемых фантазиях и ненасытных желаниях. От этого и происходит их бесконечная пленительность и стервозность. Они влекут к себе всякого мужчину, манят своей одержимостью, пока, наконец, тот полностью не иссякнет, не обанкротится, даже с широкой и щедрой душой. Тогда женщина, не оборачиваясь, без жалости и сожаления идёт к другому, как к новому источнику праздника жизни. Анка была из тех неумных особ, с которыми жизнь всегда полна неожиданностей. Даже в простой ситуации, связанной с судьбой возможного сына, она оказалась более чем оригинальной и заставила ординарца поволноваться.

– Вот, тоже ещё придумала, птицелова в дом привести, – запротестовал Петька. – Мне такой соловей и бесплатно не нужен. Парень должен быть человеком военным, всё остальное – одно баловство, от слабости тела и недостатка ума, этот вопрос решён для меня окончательно. Так что давай не дури, вынь да положь, предъяви мне хотя бы Суворова, надо же нам ещё разок наведаться в гости за Альпы. А певчими птицами, Аннушка, на том свете, в раю, наслаждаться придётся. Если, конечно, терем уютный мне с тобой архангелы в яблоневом саду приготовили.

Петька Чаплыгин неожиданно выскочил из жаркой постели в чём мать родила, выхватил из-под стёганого одеяла голую пулемётчицу, притянул к себе железной хваткой и стал как угорелый кружиться с ней по тесной комнатёнке.

– Так люблю тебя, что когда-нибудь возьму и раздавлю насмерть. И сам радостно погибну вместе с тобой.

– Вот этого я больше всего и боюсь, Петенька, – гортанным голосом сказала Анка и мягко выпросталась из его звериных объятий.

От страха ли оказаться раздавленной или от внезапной воздушной свежести, всё литое под мрамор, матовое тело красавицы покрылось мелкой гусиной кожицей. На роскошных сосках эта тревожная пупырчатость проявилась особенно явственно. И Петька, не удержавшись, потянулся к ним с ласковым поцелуем. Но Аннушка, словно испуганная лань, юркнула в ещё горячую постель и укрылась одеялом до подбородка.

В короткой душевной схватке между служебными обязанностями и ленивым влечением пресыщенной плоти верх одержало военное правило, по которому – первым делом пулемёты, а кое-что обождёт на потом. И ординарец тактично переключился на деловой, озадаченный тон:

– Принеси, Аннушка, штанишки с верёвки, на ветру, должно быть, просохли. Пуговиц каких-то пришей, надо же будет в Разлив добираться. Приведёшь в порядок портки, а я отлу-

чусь к кашевару на кухню, заберу у Арсения командирский гостинец. Перекусим маленько и пора разбежаться, ещё не со всеми делами управился. Чапай на вечер ужин с высокими гостями назначил, по всему вижу, встреча предстоит не простая, готовится больно ответственно, может, даже Фрунзе заявится. Тебя велел пригласить, за столом поухаживать. Так что смотри не опаздывай, заодно доставишь харчи от Арсения. Задницей не шибко при чужих людях выкручивай, я ведь добрый и тихий до времени.

Анка, предварительно заставив ординарца отвернуться и не подсматривать, быстро прибрала себя в домотканое женское платье. Так же быстро и ловко привела в порядок постель и, нарочито картинно завораживая не слабым лафетом, вышла из комнаты, прикрыв за собой скрипучую дверь.

У Петьки в расположении с самого утра наметилось одно деликатное дельце. Ему необходимо было во что бы то ни стало, сегодня же, повидаться с Кашкетовым кумом Гаврилкой, который нёс службу в конюшне четвёртой сотни и который единственный знал о вчерашней вылазке за линию фронта. У Гаврилки он брал на дорогу строевого коня и белогвардейское обмундирование, добытое в недавнем бою и надёжно припрятанное на сеновале. В том, что Чапаю стало известно о ночной вылазке к бенякам, виноват, в первую очередь, был конюх Гаврилка, и оставлять подставу без наказания Петька, разумеется, не мог. Такие подарки не входили в его личный кодекс суровых, бескомпромиссных, даже по мирному времени, правил.

Конюшни четвёртой сотни квартировали в старинных купеческих лабазах, размётанных по базарной площади уездного города Лбищенска, в аккурат напротив обшарпанного кафедрального собора. В добрые благословенные времена на площадь съезжались знаменитые рыбные ярмарки. Купцы возами пёрли на продажу пудовых мороженных судаков и жерехов. Торговали всеми сортами вяленой и копчёной рыбы. На святках подвозили дорогой красный улов, добытый зимним багрением, конечно уже после того, как Яицкие казаки полностью завершали поставки к царскому придворному столу. Торговали празднично, бойко, вперемешку с кулачными боями, пьяными плясками и крестными ходами, под перезвон соборных колоколов.

Ныне только забитые накрест перекошенные церковные ворота да осиротевшие купеческие строения уныло и безмолвно горевали о прошлом. Лабазы попеременно, с разным успехом, грабили то белые, то красные, а то и обыкновенные любители пограбить, без всяких политических прикрас. Грабили до тех пор, пока не остались абсолютно опустошёнными на удивление крепкой кладки кирпичные стены и прочная железная кровля. Вот по этим заброшенным строениям и были, собственно говоря, размещены боевые кони четвёртой, не знавшей поражения, сотни.

Петька размашистым, всё сметающим на своём пути ходом пересёк базарную площадь, через которую, припадая на заднюю лапу, тащила бессильно свисающий хвост какая-то издыхающая от старости дворняга. Он миновал караульного у крайней конюшни, даже не ответив ему на приветствие, и отворил пинком сапога прикрытую дощатую дверь. Ординарца обдало запахом конского навоза и свежего сена. В этой настороженной, изредка нарушаемой резкими пофыркиваниями тишине текла неспешная лошадиная жизнь.

Гаврилка без гимнастерки, в подпоясанных верёвкой штанах, беспечно беседуя наедине сам с собой, замешивал на проходе в деревянном корыте битый овёс с пареной репой. Излюбленное, между прочим, лакомство для молодых стригунков. Он даже ни оглянуться, ни испугаться по-человечески не успел, как получил пушечный удар из-под Петькиного кулака-катапульти. Пролетев полконюшни без парашюта, Гаврилка крепко саданулся башкой о кирпичный простенок и шмякнулся в тёплую навозную жижу. С кровью выплюнув пару досрочно отслуживших зубов, про запас отоваренный конюх уныло размазал кровавые сопли, от самого локтя до запястья костей, и, запинаясь, пролепетал:

– Я же ему по-братски, почти как себе доверял, а ещё кум называется. Чтобы он окошел до срока, подлюга.

– Вот и я тебя по-братски уважил, – брезгливо констатировал ординарец. – Попадешься ещё хоть раз на глаза, остальные зубы до нуля подсчитаю. Буду бить, пока рога на макушке не вырастут, а потом добавлю за то, что долго росли. И запомни: нынче же ночью перенесёшь трофейное обмундирование в штабную конюшню, там хорошенько закопаешь на сеновале. Не забудь при встрече передать Кашкету мой большевистский привет, он у меня теперь на очереди следующий, по льготным тарифам обслужится. Можете даже посостязаться, чемпионат среди потерпевших устроить, у кого зубы крепче окажутся.

Петька Чаплыгин сплюнул в сердцах, круто развернулся на одном каблуке и, не оглядываясь на утирающегося кровавыми соплями конюха, победоносно направился к выходу. Уже у самых настежь раскрытых дверей вовремя вспомнил, что ночью, спускаясь в глубокий овраг по мокрой траве, притомившийся конь заломил неловко копыто и начал заметно прихрамывать. Ординарец тотчас же вернулся, внимательно осмотрелся по стойлам и нашёл опечаленного болью коня. Тот стоял с приподнятой задней ногой, с заметно припухшим, подрагивающим нижним суставом. Глаза животного болезненно слезились и выражали покорность судьбе.

– Быстро двигай сюда, скотина, – громко позвал Гаврилку ординарец, – верёвку неси.

А сам принялся гладить по холке страдающее животное с вызывающим уважением неподдельным участием, как будто и в самом деле готов был разделить, принять на себя часть его боли. Сострадание переживалось настолько сердечно, что у Петьки ощутимо заныло в нижнем суставе, как будто это и он, вместе с конём, подвернул тёмной порой собственную ногу.

– Я же дважды предупреждал, что конь подвернулся, разве трудно было замотать ему ногу. И кто тебя, предателя, только на свет народил? – уже без всякой злобы, просто ради правды заметил Петруха.

Конюх рысью метнулся по деннику, снял со стены верёвочный жгут и, подбежав к стойлу, начал хлопотливо рассматривать повреждённую ногу. После чего тщательно размял опухший сустав, разгладил со всех сторон твердыми пальцами. По вздрагиванию сильного крупы можно было догадаться, что коню очень больно, но он терпеливо доверился врачующим людям. Наконец Гаврилка, не отрываясь от повреждённой ноги, по-деловому спросил:

– Ты будешь перематывать или я? Наверное, у меня это лучше получится.

– Перематывай ты, а я коня придержу, ему же несладко придётся при этом.

Петька с материнской нежностью прильнул тёплой щекой к влажной морде коня и начал по-детски шептать ему на ухо приятные лошадиные радости, которые наступят после небольшого терпения. Гаврилка, как заправский коновал, подлез под брюхо животного, без страха, профессиональными движениями принялся врачевать повреждённое место. Плотным рядом от самого копыта уложил верёвочный жгут и затянул концы в цыганский узел.

Только после завершения всей операции хворый конь высвободил из Петькиных объятий взопревшую голову, повернул её и уставился налитым кровью глазом на верёвочный жгут. Несколько раз попробовал опереться копытом об пол, обнаружил некоторое улучшение и в знак благодарности закивал головой.

– Как думаешь, выдюжит конь? – негромко поинтересовался ординарец.

– Выдюжит, ещё здоровее окажется, – с уверенностью ответил сведущий конюх. – Надавлею капустного сока и буду всё время подмачивать жгут, через пару дней как рукой снимет. Можно сразу седлать и в парадный строй выводить.

Петька достал из кармана серебряный полтинник, вертанул его щелчком большого пальца правой руки, подхватил на лету и сунул Гаврилке с наказом:

– Вот возьми, купишь несколько вёдер овса с отрубями, покорми хорошенько коня, негоже оставлять в беде боевого товарища. А за зубы никого не вини, сам заработал, может, до свадьбы новые, лучше прежних, вырастут да ума хоть немного прибавится.

И уже со спокойной, заметно облегчённой, душой ординарец покинул конюшню. Теперь все военные действия на сегодняшний день были благополучно завершены, но оставалась еще

одна, довольно непростая оказия, не терпящая уже никаких отлагательств. Надо было непременно появиться у Алексея Игнатьевича, знатного кузнеца и уважаемого по всему казачьему Уралу человека. Дважды приходили от кузнеца посыльные, передавали просьбу о встрече. Петька безошибочно догадывался для чего и кому нужна эта встреча и даже не сомневался, о чём пойдет на ней речь. Поэтому, положив руку на сердце, отправился на разговор не в самых розовых ожиданиях.

Дело в том, что большинство счастливых обитателей легендарной Чапаевской дивизии, в силу разных причин, едва ли не от молодых ногтей, пребывало под магическим воздействием сакраментального слова «халява». Любовь к дармовщине, иногда в воспитательной, а часто и откровенно придурашливой форме, закладывалась в сознание людей с самого детства. Не только прекраснотушнные народные сказки изобиливали и услаждали душу бесконечными «вдруг откуда ни возьмись» или «по щучьему веленью», но и традиционное христианское исповедание было прицельно ориентировано на принятие дармовых небесных подношений.

Каждый православный священник, облачённый в длиннополую чёрную ризу, неотлучно имел при себе карманный молитвослов, убористо испещрённый магическими текстами, способными повлиять на любую житейскую ситуацию в капризной человеческой судьбе. Эти чудотворные прописи, дарующие небесное заступничество, вычитывались сердобольными чревоушителями иногда за малую, но порой и за вполне ощутимую мзду.

Захотел, предположим, человек заняться обыкновенной торговлей. Ему в первую очередь полагалось обратиться к главному распорядителю небесной благодати, к хранителю благочестия протоиерею Науму. Тот с видом циркового факира извлекал из штанов карманный молитвослов, вычитывал в рубрике «торговля» магические изречения, исторгнутые из уст Иоанна Сочавского, и великомученик тут же принимался за дело, то есть начинал умножать в торговле положительное сальдо. После чего барыши просто лавиной сыпались на голову клиента, позолотившего Науму упрямо выставленную лапу. Заступничество великомученика естественным образом напрямую зависело от размеров подношения и готовности отзываться на неиссякаемые нужды отца Наума. В целом складывалось впечатление, что Иоанн Сочавский возглавлял в небесной канцелярии министерство торговли вкупе с главным налоговым ведомством.

Или вот вам еще одна, знакомая каждому хлеборобу, житейская ситуация. Предположим, у кого-то в хозяйстве прихворнула кобыла. Такая беда случается сплошь и рядом. Что может приключиться на крестьянском подворье более досадное, нежели потеря конской тяговой силы? И опять-таки ничего нет вернее, как с полтиной в зубах притащиться к протоиерею Науму, то бишь к распорядителю небесной благодати, чтобы он справил молебен взявшим над домашними животными силу Флору и Лавру. Хворая кобыла ещё до завершения требы начинала грызть в нетерпении удила и чуть ли не напяливать на себя рабочую упряжь. Многие в Чапаевской дивизии не без основания полагали, что Иисус Христос в Нагорной проповеди только и говорил, что о процветании торговли да о благоденствии хворых кобыл.

Случались, конечно, иногда и проколы, может быть, и довольно досадные. Так однажды не ведавший устали благочинный намолил молодой казачке, чтобы её доблестный муженёк в самое ближайшее время дослужился с двумя Георгиями до почётного звания есаула. Поп поймел за эту недешёвую услугу полновесный царский червонец. Не прошло и недели, как с фронта пришла печальная весть о потере несостоявшимся есаулом левого глаза и правой ноги. Рассвирепевшая казачка отловила вечерком на церковном подворье неустанного молитвенника и принялась обхаживать его огрызком оглобли, ритмично приговаривая: «Это тебе за Георгиевские кресты, а это тебе за есаула».

Когда Фурманов в самый разгар революции с восторгом обрадовал, что большевики твердо решили бесплатно раздавать крестьянам землю, многие восприняли эту новость как давно ожидаемую и приятную во всех отношениях халяву, хорошо усвоенную с детства по

любимому правилу «вдруг откуда ни возьмись». У отца Наума с утра до ночи не переставал захопываться молитвослов на странице с откровениями священномученика Харлампия, который взял великую силу над плодородием целинных и пахотных земель. Свой собственный урожай благочинный собирал немедленно и, в перерывах между молитвами, аккуратненько складывал в глиняный горшок, припрятанный в углу за большим домашним киотом.

Самые завзятые любители дармовщины наперегонки поскакали в поля и принялись сажеными аршинами межевать бесплатную землю, а когда чуть-чуть охолонули, с удивлением обнаружили, что среди захватчиков шары почему-то оказалась одна только голытьба. Кое-кто прискакал практически без порток, с готовностью начинать сладкую жизнь от самого первого бездельника, праотца нашего Адама. Голодранцы поликовали, поплясали на бескрайних просторах, но очень скоро выяснилось, что жрать сильно хочется. Земля на вкус оказалась отнюдь несъедобной, а гнуть коромыслом спину и преодолевать расстояние от непаханого клина до поджаристой каравайной корочки ни умения, ни горячего желания не было.

Дмитрий Андреевич усадил всех возбужденных обладателей дармового клина в тесный кружочек у чадающего сушёным кизяком костерка и прочитал натошак большую главу из «Капитала». Читал с выражением, как военную присягу, но желаемого чуда насыщения революционных крестьян пятью неиссякаемыми хлебами не произошло. Голодные мужики с тоской помянули благословенную щедрость Евангельской притчи и в сердцах подвергли сомнению могущество пролетарских вождей.

С каким выражением ни читал комиссар страницы из «Капитала», как ни изгалялся благочинный отец Наум, размахивая чудодейственным молитвословом, в дивизии оставались упрямы, которые привыкли уповать лишь на собственный труд и житейскую добропорядочность. Им незачем было метаться наперегонки по полям, отмерять десятины бесплатной земли. Они продолжали упорно трудиться в своих крепких крестьянских хозяйствах, попивая по вечерам дружными семьями малиновый с баранками чай. Это обстоятельство больше всего раздражало и нервировало пламенных революционеров. Фурманов давно уже сообразил, что от прискакавших в поля голодранцев толку не будет и дивизию, скорее всего, накроет всамделишный голод. А вот если подпутать бесплатной землицей зажиточных мужиков, одарить их неслыханной милостью от большевиков, у власти появится законное право потрошить по осени чужие закрома, по-революционному распоряжаться зерновыми запасами.

Третьего дня, затянув покрепче портупейми кожаную куртку, Фурманов обошёл с вооруженным нарядом зажиточные подворья и радостно объявил их хозяевам, что Советская власть, от великих щедрот и от избытка любви к хлеборобам, приняла решение наградить мужиков бесплатной землицей. По окончании речи стоящий за плетнём духовой оркестр, в лице трёх напрягающих небритые щёки музыкантов, заиграл триумфальный «Туш».

Смышлёные зажиточные мужики с почтением выслушали благую весть, но не проявили должного энтузиазма, не побежали наперегонки в поля межеваться. Тогда Дмитрий Андреевич обошёл по второму кругу крепких хлеборобов, предварительно увеличив вооруженный наряд и добавив в оркестр улиточную валторну да ещё корнет «ля пистон», и уже очень строго обрадовал: если мужики добром не примут в подарок от Советской власти бесплатную землю, будут иметь дело с «чрезвычайкой». Никто ещё толком не понимал, что означает новое слово «чрезвычайка», но было в самом его произношении что-то подозрительно знакомое, нестерпимо созвучное строчащему пулемёту.

В светлой горнице зажиточного кузнеца Алексея Игнатьевича за раздольным, как деревенский майдан, сосновым столом сидел десяток потомственных хлеборобов, веками возделывающих благодарную приуральскую землю. Они выращивали почти весь потребляемый в дивизии хлеб и, кроме неистового желания трудиться, не имели ни к кому ни малейших претензий. Но в этом и была их роковая ошибка. Потому что купаться в достатке и радоваться жизни без молитв протоиерея Наума или щедрот пролетарских вождей в дивизии никому отро-

дьясь не полагалось. Тем более сейчас, когда у красных бойцов начинали возникать недобрые подозрения: а стоило ли вообще затевать большевистский переполох?

Хорошо памятуя, что «бесплатно только птички поют», собравшиеся у Алексея Игнатьевича мужики играть с революционерами в поддавки вовсе не собирались. Аппетит у большевиков был шакалий, и бесплатная земляца, при любом раскладе, должна была закончиться для крестьян бесплатным же отбором урожайного хлеба.

Петька сидел за сытно накрытым столом рядом с хозяином дома, что само по себе свидетельствовало о значительном к нему уважении, и за обе щеки уплетал рыбный пирог с судаком и тушёной капустаей. На малый сход Чаплыгина пригласили с надеждой, что он, как человек с казачьей закваской, сможет по-свойски повлиять на комдива и власти оставят работающих мужиков в покое. Они готовы были поставлять для пропитания в дивизию хлеб по справедливым, разумеется, ценам, отвечающим нуждам хозяйства. Готовы были отпускать выращиваемый хлеб в рассрочку, с выплатой под ответственность Чапая, лишь бы власть не беспокоила бесплатной, дармовой землей и не преследовала «чрезвычайкой». Уже было выпито немало графинов высокоградусной житней водочки, уже были доедены пироги с грибами и клюквой, но к общему плану согласованных действий уважаемый сход пока ещё не пришёл.

– Не понимаю я вас, – обстоятельно рассуждал ординарец, запивая грибной пирог шипучим медовым квасом, – чего вы кобенитесь? Советская власть нарезает крестьянам в вечное пользование лучшие земли, мы за неё, между прочим, немало собственной крови пролили. Владейте бесплатно земляцей и спокойно трудитесь, о чём вы хлопочете? В царские времена о такой манне небесной наши деды и думать не смели. Это же самая первая цель коммунизма – каждому хлеборобу предоставить бесплатно свой земляной надел, чтобы жилось и трудилось в своё удовольствие.

– Бесплатная земляца, паря, достается только покойникам, потому что от них назад ничего не получишь, – процедил, играя желваками, порядком захмелевший казак дядя Михей. И тоже отхлебнул из глиняной кружки шипучего кваса.

На крепком подворье старого казака, межевавшем в аккурат с Петькиным отчим домом, ещё до революции в образцовом порядке содержались справная рабочая лошадь, строевой, под седлом гарцующий конь да пара откормленных неумолимых волов. Настоящим хозяином был Георгиевский кавалер дядя Михей. За безупречную службу, по казачьим законам, он получил в вечное пользование изрядный надел родючей земляцы и упрямым крестьянским трудом сколотил нехитрый деревенский достаток. В семье подрастали два сына, которым полагалось к сроку поставить отдельные избы, помочь обзавестись полезной скотинкой, поделиться земляей. И со всем бы управился работающий Георгиевский кавалер, если бы власть в дивизии не захватили кожаные куртки, которые полжизни проболтались по каторгам, а теперь вознамерились предоставить народу светлую участь. Потому что где-то на берегах мрачного Рейна двое отнюдь не обездоленных жизнью мечтателей, в перерывах между лафитом и кофеем, воспылали любовью к сталеварам и конюхам.

– Мне, мой милоч, землю задаром никто не давал, – сжимая в кулак клещеватую мужицкую лапу, продолжил дядя Михей. – Я за неё порядком своей и чужой кровушки выпустил, двадцать лет верой и правдой прослужил царю и Отечеству. Вот ты только что сказал, что вы кровь на фронтах не щадя проливали. Согласен. Уж не знаю, для чего вы её между своим народом проливали, только Россия большая, хватит на всех. Пускай комиссары берут со своими голодранцами бесплатную землю и пахут во весь горизонт, кто им мешает наладить богатую жизнь. Фурманов для чего шастает с ружьями по крепким мужицким подворьям? Это за что нам такое внимание, мы чужого в свой дом никогда не тащили. Большевикам хотелось земляцы – они её сполна получили, только хлеба сама земля не уродит. Вот и ищут комиссары дармовую хребтину, на которую можно взвалить нелёгкий крестьянский наш труд.

От Петькиных глаз не укрылось, что все присутствующие за хлебосольным столом мужики единодушно разделяют позицию старого казака, да и ему самому были близки и понятны слова задиристого дядьки Михея. Но он также был осведомлён и разделял положение своего командира, на плечах которого лежала забота о содержании красноармейцев и их многодетных семей. Все резервы давно уже были исчерпаны, после недавнего урезания котловых пайков в одном из эскадронов поднялась голодная смута, и Чапаю пришлось лично приложиться к оружию. Однако и авторитет комдива имеет свой, пусть и высокий, но всё же предел, без хлеба дисциплину в дивизии не удержать. Поэтому ординарец строил беседу в примирительном русле.

– Ну хорошо, давайте спокойно обо всём потолкуем, – обращаясь к присутствующим, предложил, отставив пустую тарелку, ординарец и обтёр рукавом гимнастерки замасленный рот. – Мы в революцию для чего подались? Чтобы всему трудовому народу и вам, в том числе, жилось много лучше. Советская власть за бесплатно отдаёт мужикам вольные земли, чтобы спокойно трудились и делались всё зажиточней, всё богаче. А вы начинаете мордой крутить, напраслину на Советскую власть не по делу возводите. Чего здесь скрывать, нам сейчас нелегко, надо же как-то с беляками покончить. Потерпите немного, помогите нам с хлебом, а потом шашки на гвоздь и вместе такую жизнь в дивизии развернём, что никому и не снилось. Коммунизм ведь построим, всё общим сделается, будешь есть пироги и не знать, чьими мозолями этот хлебушек добыт. Набивай только пузо и не забывай революцию благодарить. Пускай вы сегодня сомневаетесь в комиссарах, но Чапаю вы не можете не доверять, он за вас жизнь готов положить.

– Для чего вы затевали революцию, эта ваша забота, – не стал возражать суровый казак дядя Михей. – Но лично я об этом никого не просил, отродясь не желал, чтобы кто-то за меня мою жизнь обустроивал, делал её на свой лад сытней и богаче. Мне, может, в самый раз придётся то, что имею, и о другом никогда не тужу. И что это за дурость такая, скопом крестьянскую жизнь проживать, может, вы и мою жёнку гуртом обгулять собираетесь? Ты, Петька, или дурой прикидываешься, или взаправду блажной, не понимаешь, что землю дают за бесплатно, чтобы потом заставить бесплатно на ней же работать. Земли никогда не бывает вдоволь, я готов прикупить немалую часть, у меня сыновья подрастают, должен приготовить им хозяйский надел. Но только за отцовские деньги, чтобы дети мои ни перед кем не оказались в долгу. Чтобы никто не пришел с карабином и не согнал со двора, как приبلудную паршивую псину.

– Пустое городите, дядя Михей, – самодовольно вытянув под столом длинные ноги, ответил Петруха Чаплыгин. – Советская власть, она ведь народная, зачем же ей ходить поперёк честного хлебороба? Если совсем без дураков, то любая власть при желании может согнать с земли мужика, включая и ваших сынов. И совсем не важно, как досталась она, за свои ли, за чужие деньги, вы это знаете не хуже меня.

– Не сгонит с законной земли ваша власть, – даже подпрыгнул на скамейке взъерошившийся дядя Михей. – Потому что тогда сыновья на вилы посадят твоего комиссара. Купленного никто не отдаст, а бесплатное в руках не удержишь. Я за своё кому хочешь глотку перегрызу, так и передай своему командиру. Чего вы молчите, мужики, – обратился ко всем присутствующим расходившийся старый казак. – Может, я неверно чего говорю, ждём твоего слова, кум Алексей.

Собравшиеся за общим столом молчали не потому, что им нечего было сказать, и совсем не из осторожности держали язык за зубами, – для них важно было услышать последнее слово Алексея Игнатьевича, для этого многие и явились сюда. Они терпеливо дожидались, как приговора, его последнего слова. Как поступить с бесплатной землицей, принимать решение мог только он, признанный по всему течению казацкого Урала, не единожды проверенный временем народный вожак. Князем промежду собой уважительно величали мужики Алексея Недюжева, на то имелись серьёзные, более чем убедительные причины.

Предки знатного кузнеца Алексея Игнатьевича никогда не носили княжеского титула. Был он дальним отпрыском старинного казачьего рода Недюжевых, тех самых, что выдали в жены Емеле Пугачёву молодую казачку Софью. Много всякой воды утекло с времён Пугачёвского восстания, но народная память намертво закрепила в своём арсенале героиню казачьего бунта.

В бесконечно перелицованной книжной истории нашего беспокойного Отечества это наверняка одна из самых скупо заполненных страниц. Прежде всего потому, что на Пугачёвский мятеж накладывалось жестокое табу всей чередой коронованных российских властителей. В своё время великий русский поэт коснулся запретной пугачёвской темы в «Капитанской дочке» – и немедленно отведал свинца, поощрительным приветом от дома Романовых. Дабы никто не сомневался, каков он русский дух и чем всё это может пахнуть. Потому как зловеще неистребимы глубинные мотивы той стихийной крестьянской войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.